МЫ С КОРОЛЕВОЙ

Сью Таунсенд

Сью Таунсенд
Мы с королевой

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124520
Мы с королевой. Роман. / Сью Таунсенд – Пер. с англ. И. Стам.: Фантом Пресс; Москва; 2016
ISBN 978-5-86471-709-7

Аннотация

Если обыкновенного человека переселить в трущобный район, лишив пусть скромного, но достатка, то человек, конечно, расстроится. Но не так сильно, как королевское семейство, которое однажды оказалось в жалком домишке с тараканами в щелях, плесенью на стенах и сажей на потолке. Переулок Ад – таков отныне адрес резиденции английской королевы и ее домочадцев. Но люди ко всему привыкают. И вот уже королева стоит в очереди за говяжьими костями, принц Чарлз обрастает приятелями в каталажке, за принцессой Анной ухлестывает пузатый шофер, принцесса Диана увлеченно подражает трущобным модницам, а королева-мать заводит нежную дружбу с нищей старухой. Проблемы валятся на королевское семейство со всех сторон. Как управиться со шнурками на башмаках? Откуда берется суп? Как договориться с тараканами, чтобы они хотя бы днем мирно сидели по своим щелям? Чем накормить озверевшего от голода пса? И главное – как же включать газ, чтобы разжечь убогий камин и не умереть от холода?..

Только великая Сью Таунсенд способна разрушить британскую монархию с таким остроумием и описать злоключения королевской семьи так весело и сочувственно. Настоящая английская классика.

Содержание

От автора 5
Апрель 6
1. Не знает сна лишь государь один[2] 6
2. Глотнем воздуха 8
3. Невиданно скромная жизнь 13
4. Шикарная публика 14
5. Кабинет на кухне 18
6. Вивисекция дивана 21
7. Маленькие сокровища 24
8. Клиент не поддается 26
9. Faux pas[10] 32
10. Берегите тепло 40
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Сью Таунсенд
Мы с королевой

Посвящается Габриэль, Бейли и Ниллу

THE QUEEN AND I by Sue Townsend

Copyright © 1992 by Sue Townsend Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Marsh Agency Ltd

От автора

«Мы с королевой» – плод писательского воображения. Все имена, персонажи, события и названия мест либо придуманы, либо используются автором в полностью вымышленных обстоятельствах.

Апрель

Проснувшись, станешь дураком опять.
Уильям Шекспир. «Сон в летнюю ночь»[1]

1. Не знает сна лишь государь один[2]

Лежа в постели, королева вместе с Гаррисом смотрела телевизор. Был четверг, 9 апреля 1992 года, 23.20; всеобщие выборы подходили к концу. Гаррис зевнул, показав острые зубы и пурпурно-красный язык.

– Наскучили тебе выборы, золотко? – спросила королева, поглаживая его по спине.

Гаррис гавкнул на телевизор: на экране судорожно дергались крошечные человечки в цилиндрах – новомодная компьютерная графика.

Не вникая в суть, королева некоторое время просто наблюдала за их забавными движениями и вдруг поняла: эти красные, синие и оранжевые человечки не что иное, как нынешний состав палаты общин.

А на переднем плане долговязый мужчина, размахивая руками, скороговоркой бормочет о том, что едва ли можно всерьез полагаться на опросы общественного мнения и скорее всего ни одна из ведущих партий не получит в парламенте большинства. Взяв пульт, королева приглушила звук. Она вспомнила, что сегодня днем секретарь, вручая ей вырезку из какой-то консервативной газеты, сказал: «Быть может, сударыня, это вас позабавит».

Заметка ее и впрямь позабавила. Какой-то спирит-медиум, услугами которого пользовалась газета, утверждал, будто он вошел в контакт со Сталиным, Гитлером и Чингисханом и те дружно заверили его, что, явись им такая возможность, они не мешкая кинулись бы на избирательные участки и проголосовали за лейбористов. За обедом королева показала эту заметку Филипу, но он не нашел в ней ничего забавного.

Гаррис глухо заворчал, спрыгнул с кровати и, переваливаясь, заковылял к телевизору. На часах было 23.25. Объявили результаты выборов в Базилдоне, и Гаррис яростно облаял экран. Откинувшись на подушки в полотняных крахмальных наволочках, королева задумалась: интересно, кто будет завтра целовать ей руку – обходительный Джон Мейджор или приятный во всех отношениях Нил Киннок? Она не отдавала предпочтения ни одному из них. Лидеры обеих партий открыто поддерживали монархию и ничуть не походили на миссис Тэтчер, чьи безумные глаза и сдавленный голос совершенно лишали королеву душевного равновесия на их встречах по четвергам. Любопытно, настанет ли такой день, подумала королева, когда премьер-министр – лидер победившей партии – окажется *противником* монархии?

Компьютерные человечки исчезли, уступив место взволнованным политикам, которых осаждали журналисты. Гаррису стало скучно, и он запрыгнул обратно на постель. Повертевшись на мягчайшем пуховом одеяле, пес наконец угомонился и лег. Королева ласково погладила его на ночь. Затем сняла очки, выключила телевизор, улеглась в полной темноте и приготовилась заснуть. На нее сразу нахлынули семейные заботы. Королева прошептала молитву, которую затвердила более шестидесяти лет назад под началом своей гувернантки Крофи:

---

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник. – *Здесь и далее примеч. перев.*

[2] У Шекспир. «Генрих IV», часть II. Пер. Е. Бируковой.

А ежели вдруг я умру во сне,
Возьми, Господь, мою душу к себе.

И прежде чем сон окончательно сморил ее, королева, вздохнув, подумала: а что сталось бы с нею и ее семьей, если бы на выборах победили республиканцы? Этот кошмар преследовал королеву и ночью.

2. Глотнем воздуха

Джек Баркер бросил сигарету на шелковый коврик и придавил ее каблуком. Королева страдальчески поморщилась. В воздухе повис едва ощутимый запах тлеющей ткани. Во взгляде королевы сквозило презрение. У Джека забурчало в животе. Еще когда он зубрил таблицу умножения на девять, у них в классе висел ее портрет. Маленький Джек нередко посматривал на него в поисках поддержки и вдохновения.

Принц Чарлз наклонился и поднял окурок. Оглянулся – куда бы его выкинуть, ничего подходящего не нашел и сунул себе в карман.

– Лилибет, – взмолилась принцесса Маргарита, – мне до смерти хочется курить. Ну пожалуйста!

– Можно нам открыть окна, мистер Баркер? – спросила королева. Ее идеальное произношение пронзило Джека, словно хрустальная игла. Он ничуть не удивился бы, увидев, что из раны сочится кровь.

– Ни в коем разе, – ответил он.

– А мне положен отдельный дом или я обязана жить с дочерью и зятем?

Королева-мать одарила Джека своей знаменитой улыбкой, но руки ее нервно теребили широкую ярко-голубую юбку, скручивая ткань узлом.

– Вам, как пенсионерке, положен одноэтажный домик. Все граждане нашей страны имеют на это право, и вы тоже.

– Ах, одноэтажный? Прекрасно. Лестницы мне уже не по силам. А прислуга будет жить в доме или отдельно?

Засмеявшись, Джек бросил взгляд на свою республиканскую свиту – шесть мужчин и шесть женщин, тщательно отобранных для участия в этой исторической церемонии. Они рассмеялись вместе с Джеком.

– Вы, видать, не понимаете. Прислуги не будет вообще – ни фрейлин, ни поваров, ни секретарей, ни горничных, ни шоферов.

Он обернулся к королеве:

– Придется вам время от времени захаживать, помогать матушке. Впрочем, ей, возможно, станут доставлять готовые обеды из столовой.

Услышав это, королева-мать расцвела:

– Значит, я голодать не буду?

– Пока у власти народная республиканская партия, – заявил Джек Баркер, – ни один человек в Британии не будет голодать.

Принц Чарлз откашлялся.

– Гм, а нельзя ли, гм, полюбопытствовать, где именно?.. То есть каково местоположение… гм?..

– Если вас интересует, куда вы всей семьей переселяетесь, я этого сообщить не вправе. Могу только сказать вот чего: жить вы будете на одной улице, но среди незнакомых вам трудящихся. Вот здесь перечислено, что вам разрешается взять с собой.

Джек протянул фотокопии списков, которые жена его накропала два часа назад. Списки были озаглавлены: *Предметы первой необходимости; Мебель; Оборудование для муниципального домика на две спальни и для одноэтажного бунгало, предоставляемого пенсионеру.* У матери список самый короткий, отметила королева. Джек держал листки в вытянутой руке, но никто и шагу не сделал, чтобы взять их. Джек не двигался. Он был уверен: кто-нибудь не выдержит и подойдет. В конце концов со стула поднялась Диана, она терпеть не могла публичных сцен. Забрав у Джека бумаги, она вручила каждому члену королевской семьи по

листку. Воцарилась тишина: все усердно читали. Джек потрогал лежавший в кармане пистолет. Только он один знал, что пистолет не заряжен.

– Но здесь ничего не сказано о собаках, мистер Баркер, – заметила королева.

– По одной на семью, – ответил Баркер.

– А лошади? – спросил Чарлз.

– По-вашему, можно держать лошадь в садике муниципального дома?

– Нет, разумеется. Спросил не подумав.

– В списке не указана одежда, – робко сказала Диана.

– Да вам много не понадобится. Только самое необходимое. Вам же теперь не нужно будет являться при полном параде на всякие там мероприятия.

Принцесса Анна встала и подошла к отцу.

– Вот и слава богу! С паршивой овцы хоть шерсти клок, черт возьми. Что с тобой, папа?

Принц Филип был в шоке; он впал в него еще предыдущей ночью, когда, включив в 23.25 телевизор, чтобы не пропустить специальный ночной выпуск о ходе выборов, узнал, что от округа Кенсингтон-Уэст избран Джек Баркер, основатель и лидер народной республиканской партии. Не веря собственным глазам, принц Филип смотрел, как Джек Баркер произносит речь в зале муниципалитета перед набившимися туда ликующими избирателями. Пожилые плательщики подушного налога исходили радостным криком вместе с юнцами в рваных джинсах и с серьгой в носу. Принц Филип снял телефонную трубку и посоветовал жене включить телевизор. Полчаса спустя она сама ему позвонила:

– Филип, зайди, пожалуйста, ко мне.

До глубокой ночи сидели они перед телевизором, глядя, как все новые кандидаты от республиканской партии под ликующие вопли толпы объявляются избранными в парламент. Один за другим присоединялись к королевской чете их дети. В половине восьмого утра слуги принесли завтрак, но есть никто не стал. К одиннадцати часам народная республиканская партия получила 451 место, и Джон Мейджор, премьер-министр от консервативной партии, вынужден был признать свое поражение. Вскоре после этого Джек Баркер провозгласил себя премьер-министром. Первым делом, заявил победитель, он отправится к королеве и прикажет ей отречься от престола. Улыбающиеся полицейские жестами направляли микроавтобус с тринадцатью республиканцами к Букингемскому дворцу. Солдаты королевской гвардии, стащив с головы медвежьи шапки, приветственно размахивали ими. Личные слуги королевы пожимали республиканцам руки. Подали даже шампанское, но оно было вежливо отклонено.

До того как его избрали членом парламента от округа Кенсингтон-Уэст, Джек Баркер возглавлял небольшой профсоюз, отпочковавшийся от союза технических работников телевидения. Перед всеобщими выборами в течение трех недель Джек и его соратники, недовольные всем и вся, регулярно, но незаметно для телезрителей передавали в эфир лозунг, воспринимавшийся лишь подсознательно: «ГОЛОСУЙТЕ ЗА РЕСПУБЛИКАНЦЕВ – ПОКОНЧИМ С МОНАРХИЕЙ».

Накануне выборов, в субботу, «Таймс» выступила с призывом свергнуть монархию. Стотысячная колонна антимонархистов двинулась от Трафальгарской площади к Кларенс-хаусу[3], не подозревая, что королева-мать в этот момент на скачках. Сильная гроза разогнала противников монархии еще до возвращения королевы-матери, но из окна лимузина она все же увидела валявшиеся на мостовой транспаранты:

«К ЧЕРТУ В ПАСТЬ КОРОЛЕВУ-МАТЬ».

[3] Резиденция королевы-матери в Лондоне.

Это, конечно же, ошибка, подумала она, наверное, имели в виду «Божья благодать на королеву-мать», не иначе.

В тот же вечер она заметила, что прислуга, вопреки обыкновению, сумрачна и нелюбезна. Целых полчаса пришлось ждать, чтобы горничная задернула в спальне шторы.

А на следующий день британцы, над чьими мозгами Джек и его подручные поработали на славу, отправились голосовать и сделали-таки свой выбор.

В дверь постучали, в спальню вошел офицер королевской гвардии.

– Они требуют вас, сэр, – сказал он.

– Я вам не «сэр», – оборвал его Джек. – Зовите меня просто Джек Баркер, ясно? – И, обратившись к королевской семье, добавил: – Пошли на балкон, глотнем воздуха.

От долгого путешествия по дворцу Джек запыхался и выглядел неважно. Давненько он не ходил на такие расстояния.

– Сколько же у вас комнат? – неожиданно для себя спросил он у королевы, пока они тащились по бесконечным коридорам.

– Достаточно, – ответила королева.

– Четыреста тридцать девять, мы полагаем, – решил уточнить Чарлз.

Они свернули за угол и услышали низкий глухой рык – словно заворчал в берлоге медведь, которого разбудили рогатиной. Когда республиканцы и члены королевской семьи ступили в центральную залу, гул ошеломил их. Джек Баркер вышел на балкон, и толпившиеся внизу заревели во всю глотку:

– Джек, не робей, гони их взашей!

Джек глядел сверху на собравшихся под балконом граждан Великобритании. Толпы так запрудили широкую, ведущую к дворцу улицу и окрестные парки, что не видно было ни тротуаров, ни зеленых газонов. Теперь на него, Баркера, легла ответственность за питание этих людей, за их образование, за исправную работу канализации в их домах; и денежки на все это тоже должен добывать он. Справится ли? По плечу ли ему такая ноша? Сколько времени они ему дадут, чтобы он успел показать, на что способен?

Перекрывая шум, Джек крикнул:

– Члены бывшей королевской семьи, выйдите, пожалуйста, сюда ко мне.

Выпрямив спину, королева поправила висевшую на согнутой руке сумочку и шагнула на балкон. Завидев знакомую маленькую фигурку, огромная толпа смолкла было, но потом, будто ватага детей, решивших пойти наперекор строгому родителю, вновь взревела:

– Джек, не робей, гони их взашей!

Когда и остальные члены королевской семьи появились на балконе, раздались улюлюканье и свист. Диана хотела взять мужа за руку, но он нахмурился и убрал руки за спину. Принцесса Маргарита, вставив сигарету в черепаховый мундштук, закурила. Принц Филип взял дочь под руку, словно рев толпы, обретя материальную силу, мог сбить их с ног.

Королева-мать улыбалась и, как водится, помахивала ручкой. В ее возрасте менять привычки уже трудновато. Ей страстно хотелось хлебнуть джина с тоником. У нее не было обыкновения пить до обеда, но очень уж необычный выдался день. Как только закончится эта тягостная церемония, она спросит у мистера Баркера, нельзя ли ей пропустить стаканчик.

Один из республиканцев вручил Джеку полиэтиленовую сумку из магазина «Сэйфуэйз»[4]. В ней лежало что-то громоздкое и увесистое. Сумка натянулась от тяжести.

Два республиканца раскрыли ее, и Джек вытащил корону Британской империи. Унизанная по краю жемчугом, корона была усыпана изумрудами, сапфирами и бриллиантами. Джек повернул корону так, чтобы рубин «Черный принц» был виден толпе. Затем, воздев

[4] Сеть недорогих супермаркетов.

руки, поднял ее над головой и швырнул вниз, во двор. Пока корона падала, королева думала о том, как она всегда ненавидела, как ее боялась. Перед коронацией ей упорно снился один и тот же кошмар: она встает с трона, и королевский венец валится у нее с головы. А теперь, глядя сверху на слуг, которые, ползая на четвереньках, подбирали рассыпавшиеся по двору драгоценные камни, она вспомнила, как взволнованно сопел архиепископ Кентерберийский, водружая ей на голову семифунтовую корону.

– Помашите им на прощанье, – распорядился Джек Баркер.

Члены королевской семьи послушно помахали, и каждому припомнились более счастливые дни: свадебные платья, поцелуи, клики восхищенной толпы. Они повернулись и вошли во внутренние покои. А толпа неистовствовала, приветствуя Джека со товарищи, да так, что затряслись картины на стенах дворца. Джек долго задерживаться не стал, культ личности он поощрять не намерен. Это вызвало бы лишь ревность и недовольство, а Джеку хотелось как можно дольше пользоваться любовью и уважением своих соратников. Ему всегда нравилось руководить. В начальной школе он ведал раздачей молока: расставив перед одноклассниками бутылки, он нарочито медленно распределял соломинки; потом собирал бутылочные крышечки из серебряной фольги и скатывал их в большой шар; вырученные за ценный металл деньги шли на нужды слепых. Если кто-то из детей нечаянно ломал соломинку, Джек наотрез отказывался заменить ее целой.

Дома у пятилетнего Джека царил полный кавардак. В школе ему именно потому и нравилось, что там были твердые правила. Когда их толстая учительница мисс Биггс кричала на него, он чувствовал себя в безопасности. Мать Джека не кричала никогда; она вообще с ним почти не разговаривала, разве только приказывала сбегать в магазин купить пяток сигарет «Вудбайнз».

Разгоняя рукой табачный дым – Маргарита все-таки закурила, – королева поинтересовалась:

– Сколько же нам отведено времени на сборы?

– Сорок восемь часов, – ответил Джек.

– Совсем в обрез, мистер Баркер, – заметила королева.

– А вы еще не поняли, что ваше время давным-давно вышло? – спросил Джек и, обращаясь ко всем членам королевской фамилии, распорядился: – Отправляйтесь к себе и ждите. О дате переезда вас известят. Ну что, полегчало? – бросил он Чарлзу.

Сделав вид, что не понимает, о чем речь, Чарлз сказал:

– Мистер Баркер, можно мы тоже переедем в воскресенье? Я хотел бы помочь матери.

– Ну конечно. – В голосе Джека зазвучала издевка. – Это ваша прерогатива. Прерогатива, впрочем, уже не *королевская,* чего нет – того нет.

Чувствуя, что в присутствии матери ему необходимо продемонстрировать волю к сопротивлению, Чарлз счел уместным заявить:

– Члены моей семьи в течение многих лет преданно служили нашей стране, и более всех – моя мать…

– Ей за это хорошо платили, – огрызнулся Джек. – Я мог бы назвать вам десяток людей, мне лично знакомых, которые трудились на благо страны вдвое больше, чем ваша мать, а получали за это *шиш.*

Слово «шиш» всплыло у Джека в памяти из детства, полного нищеты и унижений, – именно тогда и сформировались его политические взгляды.

Почесав нос наманикюренным ногтем, принц Чарлз сказал:

– Но ведь мы способствовали утверждению определенных норм…

Джек обрадовался, что у них завязался-таки этот разговор. Мысленно он репетировал его множество раз.

– Если ваша семья чему и способствовала, – начал он, – так это утверждению иерархии, в которой вы – на самом верху, а остальные, само собой, под вами, внизу. В результате наша страна задыхается от классовой системы. Нас душит классовый страх, мистер Виндзор. И чем быстрее росли богатство и влияние вашего семейства, тем глубже погружалась страна в болото застоя. Я же кладу конец этой несообразности.

Королеве надоело слушать всю эту республиканскую чушь.

– В таком случае вам, наверное, придется подыскать новый национальный символ, что-то вроде президента?

– Нет, – отрезал Джек. – Британский народ сам станет своим национальным символом, все пятьдесят семь миллионов.

– Пятьдесят семь миллионов людей затруднительно будет даже просто сфотографировать, – обронила королева и, открыв, звонко защелкнула свою сумочку. Джек заметил, что в сумочке нет ничего, кроме белого кружевного платка.

– Вы позволите мне удалиться? – спросила королева.

– Безусловно, – ответил Джек, слегка наклонив голову.

Королева вышла из зала и двинулась по коридорам. По дороге она читала перечень вещей, которые ей дозволялось вывезти с собой, и описание ее нового жилища.

ПЕРЕУЛОК АДЕБОР, 9
РАЙОН ЦВЕТОВ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Это довоенное строение на две спальни, имеющее общую стену с соседним домом и расположенное в районе Цветов, было недавно полностью отделано заново; оно включает в себя следующее: парадный вход, прихожую, гостиную, кухню, ванную комнату, лестничную площадку, 2 спальни, кладовку и уборную. Возле строения имеется подъездная дорожка; перед домом и позади него – сад.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ

Первый этаж

Парадный вход: дверь, ведущая в прихожую.

Прихожая: лестница на второй этаж, встроенный шкаф.

Гостиная: 14 футов 10 дюймов х 12 футов 7 дюймов, с газовым камином.

Кухня: 9 футов 6 дюймов х 9 футов 9 дюймов, необставленная; имеется мойка, газовая плита и дверь, выходящая в сад за домом.

Ванная комната: набор из двух предметов, куда входят чугунная ванна и раковина; имеются окна матового стекла и газовая колонка; стены частично отделаны кафелем.

Второй этаж

Лестничная площадка: с нее ведет лестница в чердачное помещение.

Спальня № 1: 13 футов 1 дюйм х 10 футов 1 дюйм.

Спальня № 2: 9 футов 5 дюймов х 9 футов 2 дюйма.

Кладовка: 6 футов х 6 футов.

Уборная с окном матового стекла.

СНАРУЖИ: К строению через сад проложена дорожка; дорожка от боковой калитки ведет в сад позади дома.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ: Настоящим не дается никаких гарантий, что колонка или системы отопления и водоснабжения находятся в полной исправности.

3. Невиданно скромная жизнь

Уже смеркалось, когда мебельный фургон подъехал к дому номер девять по переулку Адебор. Королева с окаменевшим лицом взирала на свое новое жилище. А дом угрюмо взирал на нее из мрака, будто затаил недоброе. Окна были забиты наглухо. Какой-то богатырь со злым азартом приколотил к рамам шестидюймовыми гвоздями древесностружечные плиты. На крыше в водосточном желобе рос маленький явор.

Королева поправила на голове платок и выпрямила спину. Взглянула на жалкую парадную дверь. Наша мебель здесь ни за что не пройдет, подумала она, и вдобавок у нас общая стена с соседями – как там она у моряков называется? Какое-то веселенькое, музыкальное словечко. А, *переборка!* В доме номер одиннадцать отворилась дверь, вышел мужчина в майке и комбинезоне и встал на бетонном пороге. К нему присоединилась женщина, светловолосая и корпулентная, в явно тесноватом для нее костюме и в красных пушистых тапочках без задников. Вечерний ветерок шевелил длинный ворс, и тапочки напоминали подводных тварей, которые на морском дне ищут себе пропитание.

Это были супруги Тредголд, Тони и Беверли, – новые соседи королевы. Не скрывая любопытства, они таращились на мебельный фургон. Дом за стеной пустовал больше года, и Тредголды наслаждались роскошью относительного уединения. Они орали во всю глотку, бабахали дверьми и занимались любовью, ничуть не ограничивая себя в своих звуковых проявлениях, а теперь этому пришел конец. Для них это был грустный день. Они надеялись, что новые жильцы будут респектабельными, но в меру.

Водитель вышел из фургона, обогнул его и открыл королеве дверцу. Она спустилась на землю, радуясь, что на ее твидовую юбку не пожалели материала.

– Пошли, Филип, – подбодрила она мужа, но Филип продолжал сидеть в кабине фургона, прижимая к себе портфель, словно это была грелка, а он умирал от переохлаждения. – Филип, этому джентльмену пора ехать, его ждут дома.

Водитель фургона был очень польщен, что королева назвала его джентльменом.

– А куда спешить-то, – великодушно сказал он.

На самом деле ему не терпелось поскорее вернуться в свой муниципальный домик и рассказать жене, как он сегодня ехал по шоссе Ml, как беседовал с королевой про гомеопатию, про собак и про трудности переходного возраста у детей.

– Я помогу вам вытащить ваше барахлишко, – предложил он.

– Вы очень добры, но ведь республиканская партия настаивает на том, чтобы мы с мужем привыкали управляться сами.

– В нашем доме за них не голосовал никто, – доверительно шепнул водитель фургона. – Мы всегда голосуем за консерваторов, всю жизнь.

– А в *нашем* доме кое-кто их поддержал, – так же доверительно сообщила королева.

Водитель мотнул головой в сторону принца Филипа:

– Уж не он ли?

На это королева лишь рассмеялась.

В переулке раздался рев второго мебельного фургона. Дверцы кабины распахнулись, и оттуда выскочили внуки королевы. Королева помахала им, и мальчики бегом бросились к ней. Принц Чарлз помог жене выйти из фургона. Диана старательно подготовилась к тяготам новой жизни: она надела джинсовый костюм и ковбойские сапожки. Взглянув на дом номер восемь по переулку Адебор, принцесса вздрогнула. Принц Чарлз, однако, улыбался: вот она наконец, простая жизнь.

4. Шикарная публика

На табличке с названием переулка четыре металлические буквы давно отвалились. Теперь в дрожащем свете уличного фонаря можно было прочесть: «Переулок АД».

«Да, – подумала королева, – это и вправду ад, не иначе, потому что за всю мою сознательную жизнь я ничего подобного не видела».

А ведь она посетила множество районов муниципальной застройки – открывала местные общественные центры, проезжала сквозь бурно ликующие толпы, выходила из машины, шествовала по красным ковровым дорожкам, получала букет цветов от двухлетней крохи в платьице из магазина «Мать и дитя»; она выслушивала приветственные речи косноязычных сановников; дернув за шнур, открывала мемориальные доски, расписывалась в книгах почетных посетителей. Потом снова – ковер, машина, вертолет, затем вверх, все выше, выше и – прочь. Ей случалось смотреть по Би-би-си 2 документальные сюжеты о городских трущобах, доводилось слышать, как неприглядного вида бедняки рассказывают, перебивая сами себя и не умея закончить фразу, о своей ужасной жизни, но она считала такие программы чем-то вроде социологических изысков, наподобие передач про обряд обрезания у индейцев Амазонки; все это было настолько далеко от ее жизни, что никакого реального значения уже не имело.

В воздухе стояла вонь. Кто-то жег автомобильные покрышки. Едкий дым медленно переваливал из одного двора в другой. Ни один дом по этому переулку не мог похвастаться целыми окнами. Заборы были либо сломаны, либо напрочь отсутствовали. В садиках валялась всякая дрянь, черные пластиковые мешки для мусора были разодраны оголодавшими собаками, мерцающие телевизоры ревели во всю мощь. В переулок въехал полицейский фургон и остановился. Ухватив зазевавшегося на тротуаре юнца, полицейский запихал его в кузов, и фургон с барахтающимся в кузове мальчишкой укатил. Приподнятая на кирпичах вместо домкрата, возле тротуара стояла развалюха, некогда бывшая машиной, под ней лежал человек. Еще несколько сидели рядом на корточках, подсвечивая лежащему фонариками и наблюдая, как идет дело; у всех были татуировки, короткие стрижки, в пальцах у каждого дымилась сигарета. В белых туфлях на шпильках по переулку пробежала женщина, догоняя карапуза в одной рубашонке. Ухватив малыша за пухлую ручку, она волоком втащила его в дом.

– Сиди и не высовывайся! – визгливо крикнула она. – Кто из вас, окаянных, не закрыл эту чертову дверь? – Этот гневный вопрос предназначался, видимо, другим ребятишкам, постарше.

Королеве припомнились сказки, которые, бывало, рассказывала в детской за чаем Крофи. О домовых и ведьмах, о дальних странах, где живут недобрые люди. Королева всякий раз просила Крофи перестать, но та ни в какую. Только потешалась над нею.

– Да ладно тебе, – повторяла она. – Больно уж ты неженка.

При маме Крофи никогда так не разговаривала и не высмеивала ее.

А ведь Крофи знала, подумала королева. Знала. Вот и готовила меня к жизни в переулке Ад.

Пользуясь отсутствием няни, Уильям и Гарри, возбужденные необычным путешествием, носились по тротуару взад-вперед. Их родители стояли у парадной двери старого грязного домишка и пытались вставить в замок ключ.

– Что это ты делаешь, папа? – спросил Уильям.

– Пытаюсь войти в дом.

– Зачем?

– Затем, что мы будем здесь жить.

Уильям и Гарри громко расхохотались. Папа не очень-то часто шутит. Иногда, правда, заводит дурашливым голосом речь про каких-то Гунов[5] и тому подобную ерунду, но по большей части он совершенно серьезен. Хмурится и читает нотации.

– Это наш новый дом, – сказала мама.

– Какой же он новый, когда он старый? – удивился Уильям.

И мальчики опять залились смехом. Уильям даже потерял равновесие и, чтобы удержаться на ногах, привалился к просмоленному забору, отделявшему их двор от соседнего. Видавший виды забор не выдержал веса его легкого тела и рухнул. Глядя, как Уильям, повизгивая от смеха, валяется на разлетевшихся в щепы досках, Диана непроизвольно поискала глазами няню – няня всегда, в любых обстоятельствах знает, что делать, но няни нигде не было. Диана наклонилась и подняла сына с обломков. Захныкавший Гарри цеплялся за край ее куртки. Чарлз ожесточенно саданул дверь ногой, и она распахнулась; в нос ударил тяжелый запах сырости, запустения и прогорклого масла для жарки картошки. Чарлз включил в прихожей свет и поманил жену и детей в дом.

Закурив сигарету, Тони Тредголд протянул ее Беверли. Потом закурил сам. Над его галантным обхождением частенько потешались в Рабочем клубе района Цветов. Однажды в битком набитом баре, проталкиваясь с полным подносом к своему столику, он произнес: «Прошу простить», и тут же его гетеросексуальность была публично поставлена под сомнение.

– «Прошу простить»? – передразнил толстяк с бешеными глазками. – Ты кто, педик, что ли?

Тони с маху опустил поднос толстяку на макушку, после чего немедленно направился к Бев извиняться, что задержался и еще не принес выпивку. Вот это манеры!

Тредголды слышали, как почти невидимая в сумерках маленькая женщина велела высокому мужчине выйти из фургона. Она что, иностранка? Разве ж она по-английски говорит? Попривыкнув к ее речи, они поняли, что это все-таки английский, но какой! Шикарный! Самый что ни на есть шикарный язык.

– Слушай, чего это они такую шикарную публику в наш переулок Ад поселили? – спросила Беверли.

– Почем я знаю, – отозвался Тони, вглядываясь во мрак. – Где-то я ее раньше видал. Это не она регистраторша у доктора Хана?

– Не, точно не она. – Беверли то и дело бегала к врачу и потому знала, что говорит.

– Вот уж, черт возьми, повезло так повезло: эдакая шикарная публика вдруг у нас в соседях!

– Зато они, по крайней мере, не нагадят в ванну, как предыдущие ублюдки.

– Что правда, то правда, – согласился Тони.

Принц Филип безмолвно взирал на дом номер девять. Замигал, ожив, уличный фонарь, отбрасывая странные, неестественные блики на обветшалое новое пристанище принца. Фонарь продолжал театрально мигать, будто желал поубедительней изобразить морской шторм. Водитель фургона опустил сзади аппарель и полез в кузов. Такого прекрасного товара он в жизни не видал – за все двадцать с лишком лет работы на перевозке мебели. Пес, сидевший в клетке в глубине фургона, зарычал, защелкал зубами и стал свирепо бросаться на проволочные стенки своего узилища.

– У них и пес есть, песик, – заметил Тони.

– Пускай себе, лишь бы послушный, – отозвалась Беверли.

Тони сжал плечо жены. Славная она девочка, подумал он. Без всяких там предрассудков.

---

[5] «Гуны» – юмористический, на грани абсурда, радиосериал 1951–1960 гг. Принц Чарлз был большим его поклонником.

Принц Филип заговорил:

– Какого черта! Это же, блин, ни в какие ворота не лезет! Я отказываюсь. Я скорее соглашусь жить в какой-нибудь, блин, канаве. А этот чертов, блин, фонарь сведет меня с ума! – крикнул он, обращаясь непосредственно к фонарю, который тем временем продолжал изображать шторм; когда же Филип, ухватившись за фонарный столб, принялся трясти его изо всех сил, фонарь переключился на имитацию урагана.

– Все ясно, – сказала Беверли. – Он псих, знаешь, есть такие: их выпускают, чтобы они хоть померли среди нормальных людей.

Тут Филип, ринувшись к раскрытому кузову, заорал на собачонку:

– Молчать, Гаррис! Сучий, блин, засранец!

– Может, ты и права, Бев, – обронил Тони.

Они уже собрались вернуться в дом, но остановились, услышав голос новой соседки:

– Извините, пожалуйста, быть может, у вас найдется взаймы секач?

– *Сикач?* – переспросил Тони.

– Да, секач. – Королева подошла к калитке.

– *Сикач?* – озадаченно повторила Беверли.

– Ну да.

– Я не знаю, что такое «сикач», – сказал Тони.

– Не знаете, что такое секач?

– Нет.

– Его используют для рубки деревьев.

Терпение королевы было на исходе. Она обратилась к ним с простой просьбой, но ее новые соседи оказались явно слабоумными. Ей, конечно, известно, что качество образования в стране сильно снизилось, но все же – не знать, что такое секач… Полное безобразие.

– Чтобы попасть в дом, мне необходимо какое-нибудь орудие.

– Пушка, что ли?

– *Орудие*!

Тут водитель фургона предложил им свои услуги в качестве переводчика. Проведя в беседах с королевой несколько часов, он чувствовал, что ему теперь по плечу любые языковые загадки.

– Дама интересуется, есть ли у вас *топор*.

– Ну, есть топор, только тому типу я его не дам, – заявил Тони, ткнув пальцем в Филипа.

Пройдя по тропинке через садик, королева приблизилась к Тредголдам, и свет, падавший из их прихожей, осветил ее лицо. Беверли ахнула и довольно неуклюже присела в реверансе. Тони пошатнулся; ухватившись, чтобы не упасть, за дверной косяк, он выдавил:

– Там за домом. Сейчас притащу.

Оставшись одна, Беверли разразилась слезами.

– Это от шока, – объясняла она потом, когда они с Тони уже лежали в постели, но не могли заснуть. – Ну пойми, кто ж этому поверит? Я сама, Тони, поверить ну никак не могу.

– Я тоже, Бев. Ты ж понимаешь, королева в соседках! Давай подадим заявление об обмене, а?

Это предложение немного успокоило Беверли, и она заснула.

Доски от парадной двери отодрал Тони Тредголд, но первым, взяв у жены ключ, отпер дверь и вошел в дом принц Филип. Дом оказался, конечно же, смехотворно мал.

– У нас в саду, помню, детский домик и то больше был, – сказала королева, вглядываясь в гостиную.

– Да у нас машины и те, черт возьми, были больше. – Принц Филип сердито затопал вверх по лестнице.

Все кругом было оклеено рельефными обоями и окрашено в светло-кремовый цвет под названием «магнолия».

– Очень даже ничего, – сказал водитель фургона. – Чистенько.

– Еще бы, – заметил Тони, – после того как отсюда выставили Смитов, муниципалитету пришлось вызвать взвод спецуборщиков. Знаете, в защитных комбинезонах, в шлемах таких – туда еще кислород подается. Смиты эти были отчаянные грязнухи. Так что вам повезло – после них дом привели в порядок, отделали, как положено.

Беверли принесла всем по кружке крепкого чая. Ту, что без трещин, она подала королеве. Принц Филип получил лучшую из остальных – с ярмарки в парке «Олгон Тауэре», о чем гласила надпись на ней. Себе Беверли оставила самую неказистую, подтекавшую, с надписью «РЕГУЛЯРНЫЙ ТРАХ И ЗАБУДЬ О ДОКТОРАХ». Зазвонил телефон, все вздрогнули. Принц Филип отыскал его в шкафчике для газового счетчика.

– Тебя. – Он протянул трубку жене.

Звонил Джек Баркер.

– Ну, как вам там нравится? – спросил он.

– Мне нравится. Кстати, а *вам-то* как все это нравится?

– Что именно?

– На Даунинг-стрит. Работы ведь масса. Все эти бесконечные красные коробки с государственными бумагами…

– Красные коробки! – фыркнул Баркер. – У меня есть дела поважнее. Спокойной ночи.

Королева положила трубку и сказала:

– Пожалуй, пора вносить мебель.

5. Кабинет на кухне

В десять часов Тони Тредголд, повозившись немного с антенной, включил королевский телевизор в розетку, болтавшуюся в треснувшей стене.

– Уф, обрыдла эта политика, – скривился он, когда на экране появилось лицо Джека Баркера, и дернулся было выключить телевизор, но королева его остановила:

– Пожалуйста, оставьте.

И, усевшись поудобнее, стала смотреть.

В программе «В гостях у премьер-министра» впервые показали кухню дома номер десять по Даунинг-стрит. Новый кабинет Джека – шесть женщин, шесть мужчин – расположился вокруг большого кухонного стола, стараясь выглядеть как можно непринужденнее. Во главе стола сидел на виндзорском стуле Джек и глядел в камеру. Искусно разложенные режиссером официальные бумаги, кофейные чашечки, ваза с фруктами и маленькие букетики садовых цветов призваны были создать атмосферу неказенной деловитости.

Рукава хлопчатобумажной рубахи Джека были закатаны до локтей. Его и без того красивое лицо особенно выигрышно смотрелось благодаря умело наложенному гриму. В выговоре приятно сочетались мягкие северные гласные и жестковатая южная интонация. Зная, что у него обаятельная улыбка, Джек пользовался ею вовсю. Еще раньше он привел в смятение референтов, объявив, что речи свои намерен писать самолично; и теперь с помощью «бегущей строки» произносил спич собственного сочинения. Но сейчас его рацея показалась ему самому нелепой и напыщенной. Однако менять что-либо было уже поздно.

– Сограждане! Мы уже больше не подданные ее величества! Сегодня каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок нашей страны может высоко держать голову, ибо мы освободились наконец от пагубы классовой системы, которая столько лет отравляла жизнь нашему обществу Отныне все чины, звания и титулы, дающие особые привилегии, отменяются. Сохранятся лишь обращения «мистер», «миссис» и «мисс».

Членам королевской семьи, благоденствовавшим за счет народа, предстоит переселиться в другой район и жить обычной жизнью, среди обычных, простых людей. Реверансы, поклоны или обращения к ним каким-либо иным образом, кроме вышеприведенного, будут караться как уголовное преступление. Их земли, имения, картины, мебель, драгоценности, стада и прочее теперь целиком принадлежат государству. И да будет известно тем, кто вздумает завоевывать расположение членов бывшей королевской семьи, что подобное поведение, будучи замеченным властями, подлежит наказанию.

Тем не менее права экс-королевской семьи охраняются законами нашей державы. Всякий, кто станет их запугивать или оскорблять, угрожать им, причинять вред или вторгаться в их жилища без приглашения, будет привлечен к судебной ответственности. Надо надеяться, что члены бывшей королевской семьи сумеют войти в местное общество, что они найдут себе дело по душе и станут полезными гражданами нашей страны, – чего за ними не наблюдалось уже много сотен лет.

Сокровища Британской Короны будут проданы с аукциона «Сотбиз», как только завершатся необходимые приготовления. Вырученные средства пойдут на поддержание жилищного фонда Британии. Японское правительство уже проявило интерес к этой распродаже. Неверно, что сокровища Британской Короны «бесценны». Все имеет свою цену.

Итак, сограждане, выше голову! Многовековое ярмо сброшено.

– Ну что скажешь? – спросил Джек позже.

– Жеманничал ты чего-то, – ответила Пат Баркер.

Они сидели на кровати в доме номер десять по Даунинг-стрит. Кровать была завалена пачками документов, набросками разнообразных проектов, официальными и частными

письмами. Факс изрыгал все новые порции сообщений, поздравлений и оскорблений. Непрестанно пощелкивал автоответчик. Пять минут назад Джек уже поговорил с американским президентом. Тот заверил, что ему «всегда было как-то не по себе с этой вашей монархией, Джек».

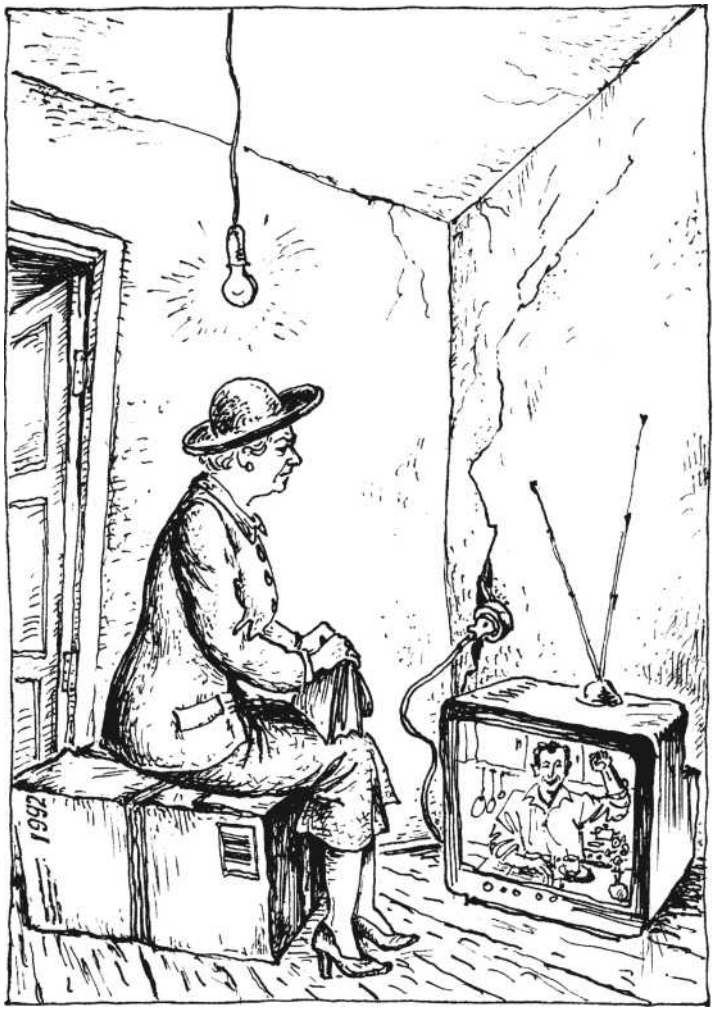
Джек невольно затрепетал от счастья, услыхав знакомый голос, лениво цедивший слова. Надо будет заняться этой своей особенностью. Есть, есть у него склонность впадать в телячий восторг от встреч и разговоров со знаменитостями, но, вероятно, теперь, когда он сам стал знаменитым…

Протягивая мужу сандвич с сыром и хрустящей картошкой, Пат спросила:

– А что ты собираешься делать с фунтом стерлингов, Джек?

Деньги хлынули из страны таким потоком, будто прорвало дамбу.

– Собираюсь в понедельник встретиться с японцами, – ответил он.



Королева с трудом поднялась с набитой вещами коробки, сидя на которой смотрела телевизор. Впереди столько дел. Она вышла в коридор и увидела, что Тони и Беверли волокут по узенькой лесенке наверх двуспальный матрац. Следом карабкался Филип с резной спинкой от кровати в руках.

– Лилибет, – сказал он, – я не нашел в фургоне второй кровати.

– Но я точно помню, что просила две, – нахмурилась королева, – одну себе, другую тебе.

– И как прикажешь нам сегодня спать? – поинтересовался Филип.

– Вместе, – ответила она.

6. Вивисекция дивана

Ковры оказались чересчур велики для крошечных комнатушек.

– Есть у меня один приятель, Спигги зовут, – сказал Тони. – Он аккурат по коврам мастер. В два счета бы вам все, что надо, подрезал и взял бы фунтов двадцать.

Королева взглянула с лестничной площадки вниз, на сваленные в прихожей гобелены; они походили на яркие расписные рулеты.

– А то и новые можно купить, – вставила Бев. – Вы уж извините, но я что хочу сказать? Ваши-то малость потерты, верно? Местами чуть ли не до дыр.

– Да за двести пятьдесят Спигги вам бы весь дом коврами устлал, в лучшем виде, – решил подсказать Тони. – У него есть отличный мохнатый палас, оливково-зеленый, у нас в гостиной такой же.

Часы уже показывали половину одиннадцатого, а мебель все еще стояла в фургоне. Водитель спал, уронив голову на руль.

– Филип?

Королева устала – она в жизни еще так не уставала. И никак не могла принять решение. Ей хотелось укрыться в своей комнате в Букингемском дворце, где уже приготовлена для нее ночная сорочка. Хотелось скользнуть под полотняную простыню, упасть головою на мягкие подушки и заснуть навсегда – или на худой конец до утра, когда принесут поднос с чаем. Филип сидел на лестнице, сжав голову руками. Он помогал таскать ковры из фургона и теперь был совершенно измучен. А он-то думал, что сохранил хорошую форму. Теперь ясно, в какой он форме.

– Ничего я не знаю, черт побери. Поступай как хочешь.

– Пошлите за мистером Спигги, – решила королева.

Спигги явился сорок пять минут спустя; при нем был специальный острый нож, металлическая рулетка и четыре банки пива «Карлсберг». Королева была не в силах наблюдать, как Спигги кромсает ее драгоценные ковры. Она вывела Гарриса погулять, и, когда они дошли до конца переулка, ее вежливо отправили обратно обходительные полицейские, охранявшие поспешно воздвигнутый барьер. Из крохотной будки вылез инспектор Дентон Холиленд и объяснил, что остальная часть района Цветов ей и членам ее семьи заказана – «впредь до специального распоряжения».

– Вашему сыну я уже все разъяснил, – сказал инспектор. – Он искал магазин, где продают жареную рыбу с картошкой, но мне пришлось и его вернуть обратно. Таков приказ мистера Баркера.

Королева четырежды прошлась по переулку. Вокруг не было ни души, лишь пробежала случайная дворняжка. «А ведь я теперь живу в гетто, – подумалось королеве. – Надо считать себя военнопленной. Я должна сохранять мужество и ни в коем случае не давать поблажек самой себе».

Она постучала в дверь дома, где обитал теперь сын:

– Можно?

В передней стояла Диана. Королева сразу заметила, что невестка плакала. Выражать сочувствие сейчас не стоит, подумала королева.

– Наши ковры в эти комнатушки не влезают, – сглатывая слезы, проговорила Диана, – а мебель все еще в фургоне.

Показались принц Чарлз и водитель мебельного фургона, с великим трудом тащившие огромный китайский ковер.

– Да нет, дорогая, не войдет, конечно, и не надейся, – пропыхтел принц Чарлз.

– Побереги спину, Чарлз, – напомнила королева. – Тут есть один человечек, на этой же улице, он может обрезать ковры по размеру…

– Мне все же кажется, мамочка, что тебе, гм, не пристало… не слишком ли это снисходительно звучит… Я имею в виду, учитывая наше теперешнее положение… называть кого бы то ни было «человечком»?

– Но он и вправду человечек, – возразила королева. – Мистер Спигги ростом даже меньше меня; он специалист по настилке ковров. Попросить его зайти?

– Да ведь этим коврам цены нет. Это было бы, гм… н-да, сущим вандализмом…

Наверху на лестничной площадке показались Уильям и Гарри – в тапочках от Барта Симпсона и в пижамках.

– А мы спим прямо на матраце, – пропищал Гарри.

– В спальных мешках, – хвастливо добавил Уильям. – Папа говорит, это у нас приключение.

Диана повела королеву по дому. Времени на осмотр ушло немного. Интерьером здесь занимался человек, который слыхом не слыхал о Теренсе Конране[6]. Диана вздрагивала, глядя на лиловые с бирюзой обои в супружеской спальне, на полистиреновые плитки, которыми был выложен потолок, на заляпанное рыжей краской окно.

«Завтра же позвоню в “Интерьер” – подумала Диана, – попрошу редактора заехать с образцами красок и обоев».

– А нам повезло, – сказала королева, – у нас весь дом отделан одинаково.

Обе женщины побаивались предстоящей ночи. Ни той ни другой не приходилось до сих пор ночевать с мужем в одной спальне и тем более в одной кровати.

В детской мальчики, лежа на спине, с восторгом разглядывали обои с изображением Супермена.

– Посмотри-ка туда. – Уильям указал на круглую ляпушку плесени над окном. – Это планета Криптон.

Но Гарри уже спал; одна ручонка у него свалилась с матраца на грязные, ничем не прикрытые доски пола.

Допивая последнюю банку пива, Спигги обозревал плоды своих трудов. В свете голых лампочек ковры горели яркими красками. Королева собрала обрезки и унесла их в кладовку – готовясь к тому дню, когда их вплетут обратно и вновь расстелят в Букингемском дворце. Теперешний абсурд долго ведь не продлится. Это всего лишь отрыжка истории. Мистер Баркер наломает дров, и простой народ возопит, требуя восстановить у власти консервативное правительство и монархию, – иначе и быть не может, верно? Безусловно. Англичане славятся своей терпимостью, своей тягой к справедливости. Экстремизм им совершенно несвойствен. Даже в мыслях королева старалась отделять англичан от шотландцев, ирландцев и валлийцев – в тех-то горячая кельтская кровь частенько дает о себе знать.

– С вас пятьдесят фунтов, ваше величество, – сказал Спигги. – Время-то уж, так сказать, сильно за полночь.

Королева открыла сумочку и заплатила причитающееся. Деньгами она заниматься не привыкла и отсчитывала купюры медленно.

– Ну все, пока, – попрощался Спигги. – Теперь пойду загляну к принцу Чарлзу. Он небось еще не лег?

---

[6] Теренс Конран (р. в 1931 г.) – английский дизайнер, основатель сети товаров для дома «Хэбитат», сторонник внедрения дизайнерских идей в массовый обиход.

Было уже четыре утра, когда Спигги прошел через полицейский кордон в конце переулка; в кармане у него прибавилось сто фунтов, да и в пивной сегодня будет что рассказать! Он дождаться не мог наступления дня, язык у него так и чесался.

В половине пятого утра на пороге дома номер девять Тони Тредголд пилил диван, который некогда принадлежал Наполеону. В переулке Ад не принято жаловаться на шум. Шум – дело обычное, на его создание уходят и днем и ночью немалые силы. Вот если шум стихает, тогда обитатели переулка Ад подходят к дверям и окнам, выясняя, что же такое стряслось.

Диван не выдержал и развалился надвое. Кусок поменьше придержала Беверли. Подождав, пока Тони с Филипом отнесут более массивную часть в гостиную, она поволокла обрубок следом.

– Забить в него завтра с полдюжины шестидюймовых гвоздей, и будет как новенький, – сказал Тони, гордясь своими плотницкими успехами.

Взглянув на любимый диван, королева поняла, что, даже распиленный пополам, он все равно велик для гостиной.

– Вы были очень любезны, мистер и миссис Тредголд, – поблагодарила она. – А теперь идите спать, прошу вас.

– Как здесь стало красиво. – Беверли оглядела комнату. – Малость тесновато, но очень красиво.

– Погодите, вот развесят картины, тогда… – зевая, сказала королева.

– Да, вон та мне особенно нравится. – Беверли тоже зевнула. – Это кто ж ее нарисовал?

– Тициан, – ответила королева. – Спокойной ночи.

Умываясь и раздеваясь ко сну, и королева, и принц Филип испытывали смущение. Все комнаты были забиты мебелью. Протискиваясь в узких проходах, они то и дело задевали друг друга и без конца извинялись. Наконец в сереньком рассветном полумраке они улеглись, размышляя об ужасах прошедшего дня и о предстоящих кошмарах.

С улицы донеслись вопли молочника, пытавшегося спасти свой товар от местного воришки. Королева повернулась к мужу. А ведь он все еще красив, подумала она.

7. Маленькие сокровища

Страж Столового Серебра в упор разглядывал Джека Баркера, нового премьер-министра.

Очень даже симпатичный, думал он. Ростом пониже, чем выглядел по телику, но очень симпатичный. Костюмчик, правда, простоват, туфли тоже не из дорогих, зато лицо красивое, с правильными чертами, глаза восхитительные – фиалковые, и ресницы длиннее, чем паучьи лапки. Так бы и съел.

Было девять часов утра. Они спускались на лифте в шахту бывшего бомбоубежища, расположенного на территории Букингемского дворца. Джек подавил зевок. Он всю ночь прокорпел над своими расчетами.

– Вы, небось, вечером рады-радешеньки скинуть это идиотское облачение? – спросил Джек, глядя на гетры, пряжки и камзол, украшенный аксельбантами и замысловатыми застежками.

– Да нет, я люблю всякие блестящие штучки, чего уж там, – признался страж, вынимая из кармана жилета ключи. Лифт остановился.

– На какой мы глубине? – спросил Джек.

– Сорок футов, но до цели еще не добрались.

Выйдя из лифта, они зашагали по коридору, вдруг сделавшему крутой поворот, так что теперь они шли едва ли не вспять.

– Как вас зовут? – спросил Джек.

– Официально я – Страж Столового Серебра.

– А неофициально?

– Малколм Балтитьюд Восток.

– И давно вы здесь работаете, мистер Восток?

– С тех пор как школу кончил, мистер Баркер.

– Нравится вам тут?

– Да, я вообще люблю красивые вещи. Летом скучаю по дневному свету, но дома у меня в спальне стоит кварцевая лампа.

Они подошли к толстенной, в четырнадцать дюймов, стальной двери, запертой на сложный кодовый замок. Мистер Восток вставил в скважину ключ, и дверь, пощелкав, отворилась.

– Секундочку, – произнес страж и включил свет.

Они оказались в помещении величиной с футбольное поле, разделенном перегородками на комнаты без дверей. В комнатах высились стеллажи, занавешенные синтетической пленкой.

– На что-то конкретное хотите взглянуть, мистер Баркер? – осведомился мистер Восток.

– На все, – ответил Джек.

– Большая часть коллекции находится, как вы сами понимаете, в Сандрингеме[7], – сказал Восток и отдернул пленку; глазам Джека открылось множество искусно вырезанных фигурок животных. Джек взял в руки кота, украшенного драгоценными камнями.

– Красиво.

– Это Фаберже.

– Как вы думаете, сколько они стоят? – спросил Джек, указывая на сверкающий зверинец.

---

[7] Сандрингем – королевское поместье в графстве Норфолк.

– Ну откуда же мне знать, мистер Баркер, – пожал плечами мистер Восток, ставя кота на место.

– А вы прикиньте.

– В прошлом году вообще-то одна заметочка и впрямь привлекла мое внимание. Про черепаху Фаберже. На аукционе она ушла за двести пятьдесят тысяч.

Джек внимательней поглядел на миниатюрные фигурки. Бормоча себе под нос, он принялся их пересчитывать.

– Их здесь четыреста одиннадцать, – услужливо сообщил мистер Восток.

– Да на это целую больницу можно построить, – буркнул Джек.

– *Несколько* больниц, – не без самодовольства поправил мистер Восток.

Они двинулись дальше. Джек дивился, с какой беспечностью хранятся сокровища.

– Что и говорить, прибраться бы нам здесь не помешало, – заметил мистер Восток, укладывая в пластмассовую коробочку несколько выпавших из нее изумрудов. – Эту вот только четверо дюжих парней поднять могут. – Он указал на массивную серебряную супницу. – А золото чистить – вообще охренеешь, – пожаловался он чуть позже, раздвигая синтетическую завесу, за которой высились горы золотых тарелок, чаш и блюд.

– Настоящее золото? – прошептал Джек.

– Высшей пробы.

Джеку вспомнилось, что женино золотое обручальное кольцо куда ниже пробой обошлось ему десять лет назад в сто пятнадцать фунтов, а в нем-то ведь дырка!

– Сюда кто-нибудь спускается? – спросил он у мистера Востока.

– Она, собственной персоной, примерно дважды в год, но это скорее вроде смотра личного состава. Когда она на все это глядит, у нее глаза не горят. А последний раз пришла и спросила, нельзя ли понизить температуру; не любит она тратить денежки попусту.

– Ну, понятное дело, ей приходилось проявлять прижимистость, – заметил Джек, трогая ножны – подарок аравийского принца королеве Виктории.

Он прекратил выпытывать, сколько стоят сокровища. Цифры утратили всякий смысл, а мистеру Востоку было явно неловко рассуждать о деньгах.

– Стало быть, здесь лишь часть коллекции, да? – уточнил Джек, когда они обошли весь этот склад чудес.

– Только верхушка айсберга.

Поднявшись на лифте к свету божьему, птичьему щебету и урчанию автомашин, Джек поблагодарил мистера Востока и предупредил:

– На этой неделе сюда заедут несколько иностранных господ, надо будет поводить их, показать коллекцию. Я вам сообщу.

– Позвольте спросить, что это будут за иностранные господа? – поинтересовался мистер Восток, обратив лицо к солнцу.

– Японцы, – ответил Джек Баркер.

– А позвольте спросить, мистер Баркер, я остаюсь в прежней должности?

Джек ответил одним из своих предвыборных лозунгов:

– В Британии Баркера будет работать всё и все.

И они зашагали рядышком по росистой лужайке, обсуждая японские церемонии и решая, как низко должен кланяться Страж Столового Серебра гостям, которые явятся отнюдь не вручать дары, а покупать их.

8. Клиент не поддается

Ее разбудил холод, и ощущение беды нахлынуло прежде, чем она успела собрать все свои душевные и физические силы. Гаррис отчаянно скребся в дверь спальни, ему приспичило погулять. Королева накинула поверх ночной рубашки кашемировую кофту, спустилась вниз и открыла псу заднюю дверь. Апрельский воздух был сыр и холоден; наблюдая, как Гаррис задирает в заиндевевшей траве лапу, она заметила, что дыхание клубами белого пара вырывается у нее изо рта. В садике были кучей свалены пустые банки из-под краски. Их пытались поджечь, но ничего не вышло; там их и бросили. Королева позвала пса в дом, но Гаррис, желая обследовать новую территорию, засеменил на своих забавных лапках в угол сада и исчез во мгле.

Вскоре он появился вновь, неся в зубах дохлую крысу Морозом ее скрючило так, будто она приняла смерть в страшных мучениях. Пришлось хорошенько стукнуть Гарриса деревянной ложкой по голове, чтобы он отдал добычу королеве. Однажды в Белизе ей довелось проглотить ложку блюда из крысы. Отказ был бы страшной обидой. А королевские военно-воздушные силы жаждали сохранить в Белизе свой пункт дозаправки.

– Утречко доброе. Хорошо спалось?

Это Беверли, в оранжевом халате, вышла снять с веревки заледеневшее белье. Джинсы стояли по стойке смирно, будто по-прежнему напяленные на Тони.

– Сегодня днем он идет на собеседование насчет работы, так что надо было выстирать ему все лучшее.

Беверли щебетала, а сердце у нее так и колотилось. Как прикажете говорить с человеком, чью голову вы, привычно лизнув, наклеиваете на конверт? Беверли сдернула с веревки парадный джемпер Тони, застывший с воздетыми рукавами, в позе ликования и торжества.

– Гаррис нашел крысу, – сказала королева.

– Кысу?

– Крысу, видите?

Беверли поглядела на мертвого грызуна, валявшегося у королевских ног.

– Возможно, это не последняя? – спросила королева.

– Да вы не волнуйтесь, – успокоила ее Беверли. – Они в дом не лезут. Во всяком случае, очень редко. На огородах-то им куда как привольно.

Послушать Беверли, так можно подумать, что крысы регулярно снимают поместье где-нибудь на курорте, резвятся в плавательном бассейне, напоминающем формой почку, и перемывают косточки нежащимся на солнце бездельникам.

В парадную дверь постучали. Извинившись, королева поспешила в тесную прихожую. Накинув поверх ночной рубашки и кофты еще и пальто, она стала открывать дверь. Это оказалось делом нелегким. Она, конечно, давненько сама не открывала парадных дверей, но все же раньше это давалось ей куда легче. Она изо всех сил потянула створку на себя. Пришелец тем временем приоткрыл прорезь для почты. На королеву глянули карие, переполненные душевным теплом глаза, и она услышала сочувственный женский голос:

– Привет, меня зовут Триш Макферсон. Я ваш советник по социальным вопросам. Слушайте, я знаю, вам приходится тяжко, но вряд ли вам станет легче, если вы не пустите меня на порог, правда?

При словах «советник по социальным вопросам» королева вздрогнула и отступила от двери. Триш не забыла, чему ее учили, главное – никакой агрессивности. Она переменила тактику:

– Ну же, миссис Виндзор, откройте дверь, и мы с вами побеседуем по душам. Я приехала специально, чтобы помочь вам справиться с психологической травмой. Давайте-ка поставим чайник и выпьем по чашечке чайку.

Королева сказала:

– Я не одета. Я не могу принимать посетителей в таком виде.

Триш весело рассмеялась.

– Из-за меня можете не волноваться; я людей видала в самых разных видах. Мои подопечные, когда я к ним прихожу, обычно еще лежат в постели.

Триш твердо знала, что она сама – человек хороший, и не сомневалась, что ее подопечные, особенно если копнуть поглубже, тоже люди неплохие. Она искренне жалела королеву. Коллеги Триш наотрез отказывались взять дело Виндзоров, зато Триш нынче утром заявила на все бюро:

– Хоть они и королевской крови, но такие же люди, как все. Для меня это просто-напросто двое пенсионеров, лишенных привычного места жительства; и они нуждаются во всяческой поддержке.

Не желая вызывать у подопечных враждебные чувства, Триш написала записку на бланке Отдела социального обслуживания, подсунула ее под дверь и удалилась. Записка гласила: «Зайду сегодня днем, около трех. Ваша Триш».

Королева поднялась в спальню, соскребла лед с внутренней стороны окна и стала наблюдать за Триш, чем-то вроде кухонной лопатки очищавшей ото льда ветровое стекло машины. Подобной лопаткой королева иногда пользовалась в Балморале[8] во время приемов на открытом воздухе. Одета Триш была в ацтекском стиле, ее запросто можно было принять за героиню спектакля «Охота за Королем Солнце»[9], случайно забежавшую в переулок Ад прямо со сцены. Ноги ее были обернуты в нечто вроде кусков козлиной шкуры. Сев в машину, Триш пометила в досье: «Клиент не поддается воздействию; в 10 утра еще не одета».

Убедившись, что машина уехала, королева подошла к мужу, спавшему на спине крепким сном. С его хрящеватого носа свисала капелька. Королева утерла капельку своим носовым платком. Она не могла решить, что ей делать дальше, как строить день: с умываньем, одеваньем и причесываньем ей самой было явно не справиться. «Я даже дверь в собственном доме не сумела открыть», – с горечью подумала она. Одно королева знала твердо: в три часа дня для посетителей ее дома не будет.

В заледеневшей ванной не было горячей воды, и она помылась холодной. Голова походила бог знает на что: от привычной прически уже не осталось и следа. Королева долго трудилась, но в конце концов просто обвязала голову шарфом на цыганский манер. Как же непривычно и неловко самой одеваться, до чего увертливы эти пуговицы! И почему молния то и дело заедает? Как вообще можно сообразить, что с чем носят? Ей вспомнились коридоры, вдоль которых сплошь тянулись шкафы; в них рядами висела ее одежда, уже подобранная по цвету. А особенно ей не хватает ловких пальцев фрейлины, чтобы застегнуть лифчик. Вот уж нелепое сооружение! Неужели другие женщины сами справляются со всеми петельками и крючочками? Надо быть прямо-таки акробаткой, чтобы сцепить их без посторонней помощи.

Одевшись, королева преисполнилась гордости: все-таки она это осилила. Ей захотелось поделиться с кем-нибудь своим достижением, как в тот давний день, когда она впервые сама завязала шнурки на ботиночках. Крофи тогда была ею страшно довольна:

---

[8] Балморал – королевская резиденция в Шотландии, близ Абердина.

[9] Известная историческая драма Питера Шеффера (р. в 1926 г.).

– Молодчага. Конечно, тебе самой заниматься этим не придется никогда, но уметь все равно надо – так же, как пользоваться таблицами логарифмов.

Единственным источником тепла в доме был газовый камин в гостиной. Накануне вечером Беверли его зажигала, но сейчас королева была в полном замешательстве. Она открыла кран до упора, поднесла спичку к керамической горелке – никакого эффекта. Ей очень хотелось обогреть хотя бы одну комнату, пока не проснулся Филип, а еще (быть может, это слишком уж честолюбивые мечты?) она намеревалась приготовить завтрак: чай с тостами. Ей представилось, как, сидя у газового камина, они с Филипом будут обсуждать свое новое житье-бытье. Ей всегда приходилось ублажать Филипа: его грызла обида, что он всюду должен идти на шаг позади нее. По характеру он не годился на роль второй скрипки. В нем крылся целый оркестр перессорившихся между собой музыкантов.

Когда она подносила последнюю спичку к непокорному камину, в гостиную вошел Гаррис. Он проголодался, замерз, его некому было покормить, кроме нее. Она разрывалась между камином и Гаррисом. Столько дел, подумалось королеве. Столько работы. И как только обычные люди все успевают?

– А секрет в том, что нужно опустить в щелку пятьдесят пенсов, – разъяснил принц Чарлз, которому удалось наконец попасть в дом матери; входную дверь ему так и не открыли, зато на его стук открыли окно гостиной – в него он и влез. Чарлз подошел к шкафу с газовым счетчиком и показал матери щель в металлической коробке.

– Но у меня нет монетки в пятьдесят пенсов, – сказала королева.

– У меня тоже. Может, у папы есть?

– А у папы откуда?

– Верно. У Уильяма, скорее всего, есть в копилке. Может, мне… гм… пойти и?..

– Да, и скажи, я ему верну.

Королева поразилась, как сильно изменился сын. Он полез было через окно обратно на улицу, затем вдруг вернулся.

– Мама…

– Что, родной?

– Сегодня утром к нам приходила советница по социальным вопросам.

– Триш Макферсон?

– Да. Она была очень мила. Сказала, что я могу подлечить уши бесплатно, в государственной клинике. Сказала, что я перенес психологическую травму… гм… и мне кажется, она… ну… вроде как, гм… права. Диана думает, не заняться ли ей своим носом. Он ей всегда жутко не нравился.

Чарлз выпрыгнул из окна гостиной, а королева подумала: какой у него счастливый вид, и когда? В день, который должен бы стать самым горестным в его жизни!

Наверху заворочался Филип. Он ощутил на кончике носа что-то крайне неприятное.

– Подайте мне платок, и побыстрее! – приказал он несуществующему слуге. Через несколько мгновений он вспомнил, где находится. Беспомощно оглянувшись, уступил обстоятельствам и сам вытер нос простыней. Затем повернулся на другой бок и снова заснул; он сделал свой выбор: предпочел мир королевских грез ужасающей действительности, где он был обычным гражданином, проснувшимся в нетопленном доме.

Королева вскрыла картонный ящик с надписью «ЕДА». Внутри она нашла буханку толсто нарезанного хлеба, на обертке значилось: «Мамина гордость», полфунта масла «Анкор», банку клубничного джема, банку говяжьего фарша, банку томатного супа фирмы «Хайнц», банку тушенки, банку молодого картофеля, банку зеленого горошка, банку персиков (кусочками) в сиропе, пачку несладкого овсяного печенья, пачку печеньиц с джемом «Мистер Кип-

линг», банку растворимого кофе «Нескафе», пачечку чая в пакетиках «Тайфу», пакет стерилизованного молока, пакет сахарного песка, коробочку кукурузных хлопьев, пачку соли, бутылочку соуса с изображением Парламента на этикетке, полуфабрикат кекса «Птичий глаз», пакетик с несколькими ломтиками сыра «Крафт» и шесть яиц (очевидно, с птицефабрики, потому что на коробке не было хвастливой надписи о том, что куры вели здоровый образ жизни на открытом воздухе).

Гаррис жадно взирал на банки, но королева сказала:

– Для тебя, милый друг, ничего нет.

Она повертела в руках банку с говяжьим фаршем. С виду очень похоже на еду для собак, подумала она, но вот как ее вскрыть?

«Для открывания пользуйтесь ключом», – прочла она и тут же нашла ключ: он прижался ко дну банки, как часовой к будке. Ну а теперь, с ключом, что прикажете делать дальше? Гаррис раздраженно тявкал, наблюдая, как королева возится с банкой мясного фарша: она пыталась просунуть кончик металлической ленты в отверстие в ключе.

– Потерпи, пожалуйста, Гаррис, – попросила королева. – Ян так стараюсь изо всех сил; сама проголодалась и замерзла, а ты мне ничуть не помогаешь.

«Так же, – подумала она (не сказав ничего вслух), – как и мой муж, – лежит себе наверху в постели и тоже ничуть не помогает».

Она повернула ключ, и Гаррис ринулся к банке, из которой вырвался тяжелый кровяной дух. Гаррис неистовствовал, и тут даже королева, чья готовность терпеливо сносить громкий собачий лай вошла в поговорку, не выдержала и шлепнула пса по носу. Злобно зыркая, Гаррис убрался под мойку. После продолжительной борьбы королева все же сняла с банки дно; из-под него показалась плотная розовая, испещренная пятнышками жира масса. Но сколько королева ни трясла банку, фарш с места двигался. Может, попытаться ухватить мясо пальцами?..

Когда Чарлз снова влез к ним через окно, зажав в гордо воздетой руке, словно ценную добычу, пятидесятипенсовую монету, он нашел мать в прихожей; она стояла, опершись о полукруглый комод Уильяма Гейтса, служивший теперь столиком. На его изысканной крышке темнела лужица крови. Под комодом Гаррис яростно терзал жестяную банку издавая первобытный гортанный рык. Сверху доносились знакомые устрашающие звуки: там на что-то гневался отец. Один психолог научил Чарлза, как действовать в таких случаях, – и он блокировал изрыгаемые отцом непристойности, сознательно сосредоточившись на времени создания Іейтсова комода.

– Тысяча семьсот восемьдесят первый год, – сказал он, – сделан по заказу Георга Четвертого.

– Да, верно, какой ты молодец, милый, только вот как бы мне не истечь кровью до смерти. Будь добр, пригласи ко мне моего врача.

Сняв намотанный на голову шарф, королева обвязала им кровоточащие пальцы. На верхней площадке появился дрожащий от холода Филип в шелковом халате.

Они прождали четыре с половиной часа, прежде чем королеву принял доктор из Королевской больницы. На всех окрестных дорогах лежал густой туман, и травмопункт Королевской больницы оказался забит автолихачами и их жертвами.

Чарлз, королева и вооруженный полицейский в штатском проехали через кордон в конце переулка Ад, как раз когда туда въезжал фургон с мебелью принцессы Маргариты. Заглянув в полицейскую машину и увидев закапанную кровью кашемировую кофту и закрытые глаза сестры, принцесса Маргарита незамедлительно впала в истерику и завизжала:

– Они нас всех поубивают!

Водитель мебельного фургона кровожадно посмотрел на нее. Он провел в ее обществе три часа и теперь с радостью завязал бы ей глаза, поставил к стенке и всадил пулю в сердце. Даже не дал бы напоследок сигарету.

Добрую половину дня Чарлз с матерью просидели за тонкой занавеской в крохотной палате Королевской больницы. Со всех сторон неслись невыносимые звуки людских страданий. Они слышали предсмертные стоны и хрипы, а также безудержный смех юных сестер, пытавшихся стянуть потрепанную резиновую куклу с пениса пожилого господина. Королева едва сама не расхохоталась, когда его жена сказала сестрам:

– Я *так и знала*, что у него кто-то есть.

Но она не рассмеялась, а насупилась. Крофи учила ее владеть своими чувствами, и королева была благодарна Крофи за эту полезную науку. Иначе как бы она могла выдерживать бесконечные приветственные речи на непонятных языках, зная, что придется еще прослушать их перевод на английский? А потом самой зачитывать свой набор банальностей и обходить строй почетного караула, сознавая, что любой мужчина (или женщина) больше всего боится, как бы она не остановилась возле него (или нее). А что она говорила, остановившись? «Откуда вы родом? Сколько времени служите?» Больно было смотреть, как они, заикаясь, отвечают. Однажды она спросила у восемнадцатилетнего морячка: «Нравится вам на флоте?» И он мгновенно ответил: «Нет, ваше величество». Она тогда нахмурилась и пошла дальше.

А ведь ей хотелось улыбнуться и похвалить его за столь редкую искренность. Она распорядилась, чтобы его не наказывали.

– Извините, что заставил вас ждать, миссис Виндзор. Меня зовут доктор Анимба.

Доктора уже предупредили, кто его следующий пациент, и все же, беря в руку окровавленную кисть королевы, он почувствовал, что у него повышается давление. Осторожно сняв пропитанную кровью повязку, он осмотрел глубокие порезы на большом и двух других пальцах.

– Как же это у вас вышло, ваше вел… миссис Виндзор?

– Порезалась о консервную банку с фаршем.

– Весьма частая причина травм. Необходимо вмешательство закона. Выпуск таких банок должен быть запрещен.

Доктор Анимба был серьезный молодой человек, убежденный, что закону под силу излечить большинство социальных болезней.

– Доктор Анимба, – вступил в разговор Чарлз, – моя мать прождала приема почти пять часов.

– Да, знаю, это нормально. – Доктор Анимба встал.

– Нормально?

– Конечно. Вашей матери еще повезло, что она не надумала поесть консервов в субботу вечером. Под воскресенье у нас всегда дел невпроворот. А теперь мне пора идти. Скоро подойдет сестра.

Прошелестев занавеской, он исчез. Королева снова вытянулась на больничной каталке и крепко зажмурилась, чтобы не выдать подступивших слез. Она обязана держать себя в руках во что бы то ни стало.

– Это другой мир, – произнес Чарлз.

– Во всяком случае, другая страна, – откликнулась королева.

Они слышали, как доктор Анимба вошел в соседнюю комнатушку, где находились надувная кукла и ее жертва. Они слышали, как доктор прикладывает энергичные усилия, дабы отделить резину от плоти. Слышали, как он произнес:

– Необходимо вмешательство закона.

Покраснев от смущения, Чарлз сказал:

– Как раз завтра я должен был открывать в Тонтоне новую больницу.

– Думаю, жители Тонтона переживут твое отсутствие, – заметила королева.

Они замолчали, ожидая появления обещанной сестры. В конце концов королева заснула. Принц Чарлз смотрел на нее, на ее растрепавшиеся волосы, на окровавленную кофту. Взяв в ладони ее здоровую руку, он поклялся беречь мать как зеницу ока.

9. Faux pas[10]

В тот же день крохотную гостиную Дианы заполнили посетители – одни женщины. Некоторые принесли с собой альбомы для автографов. В комнате стоял густой запах духов, которые обычно дарят на Рождество. Духов, которые производятся на маленьких фабричках Юго-Восточной Азии. Вайолет Тоби, одна из соседок Дианы, рассказывала историю своей многострадальной жизни. Остальные женщины ерзали, закуривали сигареты, одергивали юбки. Они уже много раз слышали эту повесть.

– И вот, как увидела я письмо это самое, сразу все поняла. Приходит он с работы домой, а я его и спрашиваю: «Кто такая эта мерзавка Ивонн?» Он аж побелел весь. А я говорю: «Убирайся отсюда, чтоб духу твоего здесь больше не было». И на этом у меня со вторым все.

Диана, как ее учили, подбодрила рассказчицу:

– И вы снова вышли замуж?

Подбодрять Вайолет не было нужды.

– Да я уже за пятым замужем, – рассмеялась она.

И все женщины в гостиной тоже рассмеялись.

– Пять мужей. Одиннадцать детей, пятнадцать внуков, шесть правнуков, а теперь положила глаз на одного малого, он в Британском легионе служит.

Поглядывая в зеркальце, вделанное изнутри в ее пластиковую сумочку под змеиную кожу, Вайолет намазала губы ярко-алой помадой.

– Халда ты грязная, вот ты кто, Вайолет, – заявила Мэнди Картер, соседка Дианы с другой стороны; это ее забор повалил накануне вечером Уильям. Мэнди прижимала к плечу запеленатого младенца – последнее свое дитя, по имени Шэдоу.

Взглянув на одежду Мэнди, Диана с трудом подавила дрожь отвращения. Эластичные хлопчатобумажные джинсы – и туфли на шпильках! Брр! А эти стоящие дыбом светлые волосы! Посекшиеся концы – точно стрелки весеннего китайского лука.

Жуть. И эти бледные груди, вываливающиеся из розовой акриловой блузки с обширным вырезом, – сверхвульгарно.

– Чего-то вашего мужа с его мамашей долгонько нет, – заметила Вайолет Тоби.

– Да, – отозвалась Диана. – А больница далеко отсюда?

– Две мили по шоссе, – сказала молодая женщина, шею которой украшала тату в виде паука.

– Когда Клайв мне челюсть сломал, я шесть с лишним часов в больнице проторчала, – пожаловалась Мэнди.

– Господи помилуй! – воскликнула Диана. – А кто такой Клайв?

– Папка его, – сумрачно ответила Мэнди, указывая на Шэдоу. – Я тогда ни есть, ни курить, ни пить – ничего не могла.

– Только трахаться, да? – ухмыльнулась Вайолет. – Аж мне слышно было – через два-то дома.

Диана вспыхнула. Боже упаси, она не ханжа какая-нибудь, но ей очень не нравится, когда женщины употребляют крепкие выражения. Она подняла глаза; в это время мимо изгороди из влажных кустов бирючины шел инспектор Холиленд. Он сурово глянул на собравшееся в гостиной общество. Женщины дерзко засвистели, а татуированная громче всех – будто подзывала такси на шумной лондонской улице.

[10] Неверный шаг, промах (*фр.*).

Холиленд уже шагал по дорожке. Лавируя между гостьями, Диана пошла открыть дверь. Инспектор откашлялся, собираясь с мыслями. Он напрочь забыл, как ему предписано к ней обращаться. Миссис Виндзор? Миссис Спенсер? Миссис Чарлз?

Диана пережидала, пока у инспектора пройдет приступ кашля.

– Им здесь находиться не положено, – выпалил наконец инспектор, указывая на сидящих в гостиной женщин. – Вы не должны пользоваться особым вниманием. – Он окончательно взял себя в руки. – Буду очень признателен, мадам, если вы попросите их уйти.

– Но это невозможно. Так грубо я не могу обойтись.

Гостиная одобрительно загудела; к двери тут же подскочила Вайолет – руки в карманах атласной куртки до пояса, на морщинистом лице застыло надменное выражение.

– Никакого особого внимания мы ей не оказываем. Зашли по-соседски – узнать, может, нужно чего.

– Ну конечно, – насмешливо ухмыльнулся Холиленд. – И к любой другой так же зашли бы, правда?

– Да, так и зашли бы, ей-богу, – искренне подтвердила Вайолет. – Мы здесь, в переулке Ад, держимся друг за дружку.

Она повернулась к Диане:

– Ну что, пойдем займемся кухней?

Холиленд отвернулся. Согласно финансовым отчетам, Вайолет, ее муж Уилф и их семеро взрослых детей еще не уплатили за этот год подушного налога; как, собственно, и за *прошлый* год. Так что у него будет возможность отыграться.

И тут Диана заметила бегущую по мостовой принцессу Маргариту: высокие каблуки цокают по асфальту, шубка распахнулась, пряди волос выбились из замысловатого узла на макушке. Подбежав к ограждению, она сцепилась с молодым полицейским. Инспектор Холиленд что-то произнес в рацию – и почти в тот же миг взревела автомобильная сирена, всю улицу залило резким белым светом.

– Господи помилуй! – воскликнула Вайолет. – Прямо как в Кольдице[11] каком-нибудь!

– Да это Марго, – объяснила Диана. – Пытается прорваться, несмотря на комендантский час.

Инспектор Холиленд самолично проводил принцессу Маргариту обратно к ее дому.

– Но мне *необходимо* попасть в «Маркс и Спенсер» до закрытия, – услышала Диана. – Я же не умею готовить.

Прикрыв входную дверь, Диана вернулась к соседкам. Она уже предвкушала, как наденет фартук, пойдет на кухню и станет там греметь всякими кастрюлями и сковородками, в точности как пел в одной песенке Литтл Ричард. Возьмет у Вайолет на вечер специальную сковороду и приготовит для всей семьи яичницу с фасолью и жареной картошкой. Чарлзу придется отступить от своей жесткой диеты, пока не будет налажена поставка бобовых. А у Вайолет вряд ли есть лишняя банка чечевицы.

Когда все занялись делом, Мэнди спросила:

– А чего вам будет особенно не хватать?

– Моего «мерса», – не задумываясь ответила Диана.

[11] Кольдиц – город в Германии, где во время Второй мировой войны в неприступном замке была устроена сверхсекретная тюрьма для военнопленных.

– «Мерса»?

– «Мерседеса-Бенц 500 SL». Цвета красный металлик, а скорость – до ста пятидесяти семи миль в час.

– Стоит небось будь здоров, – заметила Мэнди.

– Н-да, около семидесяти тысяч фунтов, – призналась Диана.

В комнате воцарилась тишина.

– И кто же за него платил?

– Герцогство Корнуоллское.

– А это еще кто? – удивилась Мэнди.

– Ну, в общем, мой муж, – сказала Диана.

– *Семнадцать* тысяч, говорите? – Вайолет поправила свой розовый слуховой аппарат.

– *Семьдесят* тысяч, – проорала Филомина Туссен, единственная чернокожая в этой компании. Все опять замолчали.

– За машину? – у Вайолет от возмущения дрожал подбородок.

Диана опустила глаза. Она еще не знала, что одежду, которая вызвала у нее такое презрение, эти женщины, выскоблившие ей кухню, купили в благотворительных магазинах. Лифчик Вайолет – особо большого размера – был приобретен за двадцать пять пенсов в магазине «Помогите престарелым».

Молчание нарушила Мэнди:

– Мне бы тоже, черт возьми, не хватало, да только не машины, а няньки.

Тут Диана вспомнила, что не видела Уильяма и Гарри с тех пор, как к ней пришли эти гостьи. Она громко позвала мальчиков, думая, что они наверху, но никто не ответил. Она выглянула в унылый садик позади дома, но не увидела там ни единой живой души, кроме Гарриса и принадлежавшей Мэнди Картер явно нечистокровной овчарки, чье расположение Гаррис силился завоевать. Псы вились друг возле друга. Маленький и большой, плебей и аристократ. Овчарку звали Кинг. Выбежав из дому, Диана принялась звать:

– Уильям, Гарри!

Уже почти стемнело. В домах вспыхивали голые, без абажуров, лампочки – переулок Ад готовился к ночи.

– Мальчики еще никогда не гуляли в темноте, – сказала Диана.

Это новое свидетельство изнеженности ее детей вызвало у женщин смех. Они ведь то и дело посылали поздним вечером своих малолетних ребятишек в бакалейную лавку, которую держит индиец. А как иначе? Неужто, имея собаку, самой же и лаять?

– Да где-нибудь тут играют, – стала успокаивать ее Вайолет.

Но Диана не желала успокаиваться. Набросив шелковую куртку с капюшоном, она зашагала в своих ковбойских сапожках по переулку Ад на поиски сыновей. В конце концов нашла их в доме номер девять: расставив перед газовым камином кораблики, они с дедушкой разыгрывали морскую битву. Диана наблюдала через окно эту сцену, пока Гарри, заметив ее, не помахал ладошкой. Принц Филип был в пижаме и халате. Он не побрился, редкие пряди волос свисали на уши. На серебряном столике времен Вильгельма III стояла банка тушеных бобов с зазубренной крышкой.

– Чарлз звонил, – крикнул в окно Филип. – Они все еще в больнице. Не могу пригласить вас к себе: проклятая входная дверь не открывается.

А ключ от черного хода потерян, черт его подери.

Поняв намек, Диана вернулась к своим домашним обязанностям. Когда все шкафы в кухне засияли чистотой, женщины сделали перерыв, чтобы попить чаю и выкурить по сигаретке.

– Может, хоть ненадолго да уймутся, – обронила Вайолет.

– Кто уймется? – удивилась Диана.

– Тараканы. Их у нас у всех полным-полно. Никакой силой не избавишься. Хоть ракетами по ним пали, все равно через три дня – тут как тут. Ну а теперь, – сменила Вайолет тему, – давайте бумагу: нужно застелить полки, прежде чем ставить туда продукты.

Ничего подходящего у Дианы не нашлось, и Вайолет забарабанила в стену, отделявшую ее гостиную от гостиной Дианы.

– Уилф! – крикнула она. – Принеси-ка сюда вчерашнюю газету.

В ответ прозвучало что-то неразборчивое, и через считанные минуты Уилф Тоби уже стоял на пороге. Это был необычайно высокий мужчина, с могучими плечами, огромными ручищами и ножищами. Из тех, кого адвокаты называют в своих речах кроткими великанами. Уилф Тоби, однако, кротостью не отличался. Он страдал хроническим бронхитом, и непрерывная борьба за глоток воздуха сделала его раздражительным и угрюмым. Он боялся смерти и жил в постоянном страхе, словно каждый день для него – последний. Ему казалось, что Вайолет уделяет ему недостаточно внимания: она же куда больше времени проводит у чужих людей, чем в собственном доме. Услышав неровное хриплое дыхание Уилфа, Диана успокоилась: вот что за звуки пугали ее и не давали уснуть прошлой ночью. Это сипло дышал Уилф за разделяющей их стенкой.

Уилф взглянул на Диану – и влюбился с первого взгляда. Он никогда не видел подобной красавицы, да еще живьем и совсем близко. Ее фотографии ежедневно попадались ему в газетах, но он и не подозревал, что у нее такое свежее лицо, нежная кожа, такие застенчивые синие глаза, теплые губы. У всех известных Уилфу женщин лица были жесткие, гру-

бые, словно жизнь колошматила их без всякой жалости. Когда Диана брала у него газету, он посмотрел на ее руки. Длинные бледные пальцы с розовыми ногтями. Уилфу страшно захотелось потрогать эти пальцы. Интересно, они на ощупь такие же гладкие, как на вид? Он критически оглядел Вайолет, свою жену с четырехлетним стажем. Как это его угораздило связаться с нею? Впрочем, он отлично знал как. Она просто затравила его, точно зайца. От нее не улизнешь.

– Ну, давай, громилушка, либо заходи, либо топай отсюда. А то дом выстудишь.

Вы только послушайте, как жена с ним разговаривает. Ни капли уважения.

– Заходите, пожалуйста, – с улыбкой пригласила Диана.

В другое время никакая сила не заставила бы Уилфа переступить порог дома, битком набитого женщинами из переулка Ад, но ему страх как хотелось видеть Диану, слушать ее чудный голос. До чего ж она красиво говорит – правда-правда.

При появлении в доме мужчины женщины попритихли. Даже Вайолет, складывавшая «Ньюс оф уорлд»[12], чтобы застелить полки и ящики, понизила голос. Перед Дианой промелькнули заголовки:

ИЗБИЕНИЕ ФУНТА

Вчера пошли слухи, что фунт едва жив, после того как зарубежные дельцы совершили на него, по выражению одного финансового эксперта, «зверское нападение». «Это было жестокое избиение», – сказал он.

Оно произошло после «двойного несчастья» – сокрушительной победы Джека Баркера на выборах в четверг и отмены в пятницу монархии. Управляющий Английским банком призвал дать стране передышку.

ПИРАНЬИ

Представитель лондонского филиала Токийского банка вчера заявил: «Фунт – это золотая рыбка, плавающая в аквариуме, полном пираний».

Закончив, Вайолет с гордостью оглядела плоды своих трудов:

– Ну вот, теперь все чисто и красиво. – И, повернувшись к Уилфу, рявкнула: – Чаю, небось, дожидаешься?

– Сытый я, – буркнул Уилф. Да разве он вообще теперь сможет есть?

Диана мечтала, чтобы соседи ушли, однако не могла придумать, как на это намекнуть. Но тут Шэдоу, получивший временное пристанище на бархатном диване, пробудился и своими воплями погнал прочь и мать, и ее товарок.

– Если чего нужно будет, стучите в стенку, – приказала Вайолет.

– Хоть ночью, хоть днем, – добавил Уилф.

– Вы очень любезны. Сколько я вам должна?

Диана открыла кошелек. Но когда подняла глаза, то по лицам своих посетительниц поняла, что совершила большой faux pas.

Вернувшись к дому номер девять, Чарлз и Елизавета узнали, что Тони Тредголд ударом ноги распахнул входную дверь и теперь подстругивает ее торец внизу.

– Покоробилась от сырости, – объяснил Тони, – вот и не открывалась.

Принц Филип, Уильям и Гарри, сидя на лестнице, наблюдали за Тони. Все трое жевали сэндвичи с джемом, неумело приготовленные Уильямом.

– Как дела, старушка? – спросил Филип.

---

[12] Лондонская воскресная газета бульварного толка, закрылась в 2011 г.

– Устала до смерти. – Забинтованной рукой королева пригладила растрепавшиеся волосы.

– Чертовски долго вы там проторчали, – хмуро заметил муж.

– Врачи страшно загружены, – объяснил Чарлз. – Мамина травма не опасна для жизни, вот нам и пришлось подождать.

– Но ведь мать у тебя, разрази меня гром, не кто-нибудь, а *Королева,* черт возьми! – взорвался Филип.

– *Была,* черт возьми, королевой, Филип, – негромко заметила королева. – А теперь я миссис Виндзор.

– Маунтбеттен, – лаконично поправил ее принц Филип. – Ты теперь миссис Маунтбеттен.

– Моя фамилия – Виндзор, и я не намерена ее менять.

– А моя фамилия Маунтбеттен, ты – моя жена, следовательно, ты – миссис Маунтбеттен.

Тони Тредголд стругал как одержимый. Они явно забыли о его присутствии.

– А *наша* фамилия как, папа? – спросил Уильям у Чарлза.

Чарльз поочередно посмотрел на родителей.

– Гм, мы с Дианой пока еще этого не обсуждали… гм… С одной стороны, фамилия Маунтбеттен не может не привлекать благодаря дяде Дику, но, с другой стороны, не может также и… гм… ну… гм…

– О господи! – В голосе Филипа зазвучали угрожающие нотки. – Ну, давай-давай, выкладывай!

Тони подумал, что королеве пора бы и присесть: выглядит она хуже некуда. Он взял ее под руку и провел в гостиную. Газ в камине не горел; порывшись в карманах, Тони нащупал пятидесятипенсовик и сунул в счетчик. Вспыхнуло пламя, и королева благодарно склонилась к теплу.

– Сдается мне, мамаше вашей неплохо бы выпить чайку, – подсказал Тони Чарлзу.

Тони уже понял, что от Филипа в доме толку ждать не приходится, мужик даже одеться сам не может. Но и Чарлз, заметил Тони, подметая стружки и зачищая шкуркой нижний край двери, уже целых четверть часа попусту мечется по кухне, безуспешно пытаясь найти заварку, молоко и десертные ложки; Тони пошел к себе и попросил Беверли поставить чайник.

Королева неотрывно смотрела на огонь. А она-то полагала, что этот давний фамильный спор Виндзоров с Маунтбеттенами порос быльем, – и вот на тебе, снова поднял свою мерзкую голову. Во всем виноват Луис Маунтбеттен. Когда родился Чарли, этот гнусный сноб уговорил карлайлского епископа отметить, что негоже-де лишать ребенка, рожденного в законном браке, отцовской фамилии. Эти соображения безвестного священника попали на первые полосы всех центральных газет. И тогда лорд Маунтбеттен всерьез развернул кампанию по возвеличиванию своего имени, добиваясь, чтобы царствующая династия его приняла. Королева разрывалась тогда, желая, с одной стороны, угодить мужу и Луису Маунтбеттену, а с другой – стремясь выполнить волю короля Георга У основавшего, как он надеялся, Виндзорскую династию на веки вечные. Королева закрыла глаза. Луиса уже давно нет на свете, однако влияние его ощущается до сих пор.

Вошла Беверли с подносом в руках; на нем стояли четыре дымящиеся кружки с чаем и два стакана оранжевой шипучки. В жарко-рыжей жидкости болтались толстые полосатые соломинки. На тарелке, покрытой бумажной салфеточкой, лежало сухое печенье. Чарлз взял у Беверли поднос и стал топтаться, прикидывая, куда бы его поставить. Королева наблюдала за сыном с нарастающим раздражением.

– На мой письменный стол, Чарлз!

Чарлз водрузил поднос на стоявший у окна столик «Чиппендейл»[13] и стал раздавать кружки и стаканы. Пышнотелая Беверли смущала и волновала его. В какой-то миг он мысленно увидел, как она, обнаженная, закутанная в кисею, любуется собственным отражением в зеркале, которое держит Амур. Венера девяностых годов XX века.

– Это миссис Беверли Тредголд, Чарлз, – представила соседку королева.

– Здравствуйте, как поживаете? – Чарлз протянул руку.

– Спасибо, в полном порядке. – Беверли ухватила его ладонь и энергично встряхнула.

– Мой сын, Чарлз Виндзор, – сказала королева.

– Маунтбеттен, – поправил Филип. И, обращаясь к Беверли, пояснил: – Его зовут Чарлз Маунтбеттен. Я его отец, и фамилия у него моя.

Чарлз подумал, что давно уже пора положить конец жуткому отцовскому деспотизму. А какую фамилию носила в девичестве его прабабка, королева Мария? Тек. Да, точно. Чарли Тек – неплохо, пожалуй, звучит?

– Мы потом это обсудим, Филип, – остановила мужа королева.

– Нечего тут обсуждать. Я – глава дома. Сорок лет я шагал позади тебя. Теперь моя очередь выйти вперед.

– Ты, значит, хочешь вести дом, да, Филип?

– Да, хочу.

– В таком случае, – сказала королева, – пойди-ка на кухню и ознакомься с многочисленными приспособлениями и операциями, необходимыми для заваривания чая. Не можем же мы вечно уповать на щедрость миссис Тредголд.

– Если хотите, я научу вас заваривать чай, – сказала Беверли. – Вообще-то это пара пустяков.

Но принц Филип пренебрег ее великодушным предложением и, обращаясь не к ней, а к Тони, пожаловался:

– Не могу включить горячую воду, а побриться необходимо. Займитесь этим, ладно?

Тони разобрала злость. «Ей-богу, – подумал он, – этот тип разговаривает со мной как с паршивым псом».

– Извините, – буркнул он, – мы с Бев уходим, хотим пропустить стаканчик. Ты готова, Бев?

Беверли обрадовалась: под этим предлогом она сможет покинуть дом, в котором сгущаются тучи семейных раздоров.

Тони отправился домой, прихватив с собой ящик с инструментами. Ну и денек выдался – псу под хвост по всем статьям. Вакансия забойщика кур по законам Корана, объявленная фирмой «Халяль», уплыла: перед Тони оказалось еще сто сорок четыре претендента, мужчины и женщины всевозможных вероисповеданий.

Беверли ненадолго задержалась у соседей, чтобы показать принцу Филипу, как подогреть на плите кастрюльку с водой для бритья. Нужно следить, объяснила она, чтобы ручка кастрюли торчала не вперед, а к стене.

– Тогда ребятишки не опрокинут ее ненароком.

В кухню вошел Чарлз и стал сосредоточенно наблюдать, словно ему демонстрировали военный танец племени маори. Незаметно подошли оба его сына с мордашками в оранжевых разводах и ухватили его за руки. Они припомнить не могли, когда им раньше удавалось так подолгу видеть отца. Вода запузырилась, и Беверли показала, как выключить горелку.

– Ну а теперь что делать? – уныло спросил Филип.

---

[13] Стиль английской мебели XVIII в., назван в честь мебельного мастера Томаса Чиппендейла (1718–1779).

«Это уж дудки, черта с два я стану тебя брить», – подумала Беверли и с облегчением покинула дом бывшего королевского семейства.

– Ну, чисто малые дети, – говорила она Тони, переодеваясь в платье-для-пивной. – Чудеса еще, что задницу сами себе подтирают.

10. Берегите тепло

На следующее утро мороз стал еще злее.

– Филип, уже девять часов, а ты еще не побрился.

– Я отпускаю бороду.

– Но ты и не умылся.

– В ванной чертовски холодно.

– Ты уже два дня подряд носишь одну и ту же пижаму и халат.

– Я же выходить не собираюсь. Так чего ради утруждаться?

– Но тебе обязательно надо выйти.

– Зачем?

– Подышать свежим воздухом, размяться.

– В переулке Ад, чтоб ему пропасть, свежим воздухом и не пахнет. Дыра вонючая. Мерзопакостная. Знать не желаю про его существование. К дьяволу все – буду сидеть дома до самой смерти.

– И чем будешь заниматься?

– Ничем. Буду просто лежать в постели. А теперь – поставь поднос с завтраком, задерни эти распроклятые шторы и ступай, ладно?

– Филип, ты разговариваешь со мной как со служанкой.

– Я твой муж. Ты моя жена.

Филип принялся за завтрак. Яйца всмятку, тосты и кофе. Королева задернула шторы, отгородив спальню от переулка Ад, и спустилась на первый этаж, чтобы позвать Гарриса в дом. Гаррис ее очень тревожил. Он связался с крайне дурной компанией. В саду перед королевским домом каждый день собиралась стая сомнительного вида дворняг, судя по всему совершенно беспризорных. Гаррис даже не пытался отвадить их, напротив, он явно радовался приходу этих разбойников.

Филомина Туссен проснулась оттого, что в соседний двухэтажный домик въезжала королева-мать. Выбравшись из постели, Филомина накинула теплый халат, подаренный ей Фицроем, старшим сыном, на восьмидесятилетие.

– Грей свои кости, старуха, – сурово сказал тогда сын. – Надевай эту хренову хламиду.

Филомина читала, что королева-мать закладывает за воротник и играет в азартные игры. Сама она подобных занятий не одобряла и сейчас обратилась с молитвой к Богу:

– Господи, хоть бы соседка меня не трогала.

Она порылась в кошельке, ища пятидесятипенсовик. Зажечь газ сейчас, днем, или вечером, когда она будет смотреть телевизор? Этот вопрос она задавала себе ежедневно круглый год, кроме лета, хотя Трой, средний ее сын, говорил ей:

– Слушай, мам, если тебе нужно, включай газ хоть на целый день, ты нам только свистни, и за деньгами дело не станет.

Но Филомина была женщина гордая. Она медленно, одну за другой, натягивала на себя одежки. Потом подошла к шкафу, где висело ее зимнее пальто. Надела его, обмотала шею шарфом, напялила фетровую шляпу и лишь тогда, возведя оборону против холода, направилась в кухню готовить завтрак. Первым делом пересчитала куски хлеба: пять. Затем оставшиеся яйца: три. Есть крохотный кусочек маргарина – хватит разве что на помазанье при крещении младенца. Тряхнула коробку с кукурузными хлопьями. На полмиски наберется, а до пенсии еще два дня протянуть надо. Наклонившись, она открыла дверцу холодильника, выдернула вилку из розетки – чего попусту гудеть, когда вокруг мороз? – и холодильник

смолк. Достав кусочек сыра, Филомина с великим трудом (отчаянно ныли узловатые, изуродованные артритом пальцы) натерла щепотку на ломтик хлеба и сунула его в духовку.

Она сидела в нетерпеливом ожидании, досадуя, что расходуется газ. В конце концов вынула бутерброд из духовки, хотя сыр еще толком не растаял, и, по-прежнему закутанная, в шляпе, пальто, шарфе и перчатках, принялась за полуготовый завтрак. Было слышно, как за стеной смеется королева-мать и втаскивают в дом мебель. Обращаясь через стену к королеве-матери, Филомина сказала:

– Погоди, погоди, моя милая. Скоро тебе станет не до смеху.

Накануне вечером Филомина видела по телевизору Джека Баркера, который сказал, что бывшая королевская семья будет жить на государственное пособие. Что пенсионеры – королева, принц Филип и королева-мать – будут получать столько же, сколько и Филомина. Прикрыв глаза, она произнесла:

– За все, что Ты дашь мне, благодарю Тебя, Господи. Аминь.

И принялась за завтрак. Откусив кусочек, она долго и тщательно жевала, чтобы растянуть удовольствие. Хорошо бы съесть еще ломтик, но ведь она откладывает деньги: скоро опять вносить абонентскую плату за телевизор.

А королева-мать потешалась над нелепой миниатюрностью окружающего.

– Совершенно восхитительный домик, – хохотала она. – Просто прелесть. Вполне подошел бы в качестве конуры для крупной собаки.

Кутаясь в норковую шубку, она осмотрела ванную. Раздался новый взрыв смеха; видно было, что хохотунья всегда панически боялась зубоврачебного кресла.

– Я просто в восторге, – заливалась королева-мать. – Какая вместительная ванная, и взгляни, Лилибет, даже крючок для пеньюара есть.

Королева посмотрела на прибитый к двери крюк из нержавеющей стали. Есть из-за чего приходить в восторг – обыкновенный крючок, практичный предмет обихода, созданный с конкретной целью: чтобы на него вешали одежду.

– Лилибет, здесь нет туалетной бумаги, – шепнула королева-мать. – Где же ее берут?

Кокетливо склонив голову набок, она ждала ответа.

– Покупают в магазине, – сказал Чарлз.

Он в одиночку выгружал коробки из фургона, который только что подъехал к домику его бабушки. Под мышкой у принца был зажат торшер, с другой руки свисал шелковый абажур.

– Ах вот оно что! – Казалось, улыбка навеки застылаи на лице королевы-матери, будто высеченная в горе Рашмор[14]. – Здесь все невероятно интересно!

– Вот как?

Королеву раздражало, что мать не желает хотя бы на миг предаться отчаянию. Ведь на самом-то деле домик поистине отвратительный – тесный, скверно пахнущий и холодный. Как же мать сможет здесь жить? Она ведь даже шторы ни разу сама не задернула. И вдруг – пожалуйста, изо всех сил, хоть это и глупо, старается не теряться в столь диком положении.

Прибыл Спигги – выполнять уже привычное задание, – и был встречен преувеличенно радостными возгласами. Королева-мать не поверила цифрам в памятке, полученной от Джека Баркера. Не может же комната быть размером девять футов на девять, решила она. Одну цифру, видимо, пропустили – Баркер имел в виду девятнадцать футов. Только потому

[14] Гора в штате Дакота, в которой высечены огромных размеров головы четырех американских президентов: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна. Автор – американский скульптор Г. Борглум (1867–1941).

огромные ковры из Кларенс-хауса перевезли в фургоне в переулок Ад. За этим проследили, сослужив ей последнюю службу, те из челяди, кто не успел напиться в стельку.

Спигги извлек из сумки орудия разрушения: острый нож, металлическую рулетку, черную клейкую ленту – и принялся кромсать бесценный ковер, подарок Персии, чтобы он уместился возле камина, облицованного рыжей плиткой. Спигги вновь был героем дня. Королева-мать прогуливалась в садике за домом, рядом с ней семенила ее корги по кличке Сьюзан. В кухонное окно соседнего домика за ними наблюдала чернокожая женщина. Королева-мать помахала ей, но та нырнула вглубь дома и скрылась из виду. Улыбка на губах королевы-матери чуть дрогнула, но тотчас заиграла вновь, наподобие биржевых сводок в «Файнэншл таймс», когда в Сити выдается трудный день.

Королева-мать отчаянно нуждалась в любви. Она могла существовать лишь в атмосфере всенародного обожания; без него она бы погибла. Большую часть жизни она прожила без мужской любви, и преклонение простых людей служило ей в какой-то мере утешением. Ее слегка обеспокоила недружелюбность соседки; тем не менее, когда она вернулась из садика в дом, на ее лице вновь сияла улыбка.

Спигги поднял голову от ковра. В его глазах королева-мать прочла восхищение. Она заговорила с ним, стала расспрашивать о жене.

– Сбегла, – коротко обронил Спигги.

– А дети?

– С собой забрала.

– Так вы, стало быть, беспечный холостяк? – Голос королевы-матери весело звенел.

Спигги насупился:

– Кто это вам сказал, что я без печки?

– Бабушка имела в виду, – разъяснил Чарлз, – что вы, наверное, живете без забот, не обремененный всевозможными семейными обязанностями.

– Мне денежки с неба не валятся, я вкалываю, – сказал Спигги. – Вы бы сами попробовали потаскать туда-сюда тяжеленные ковры.

Столь явное непонимание привело Чарлза в замешательство.

И почему его родственники не умеют просто поговорить с соседями, без этого… гм… постоянного… гм?

Королева стала передавать собравшимся изящные фарфоровые чашечки с блюдцами.

– Кофе, – объявила она.

Спигги напряженно наблюдал, как члены бывшего королевского семейства обращаются с крошечными чашками. Они продевали указательные пальцы в ручки, поднимали блюдца к лицу и отхлебывали. Однако указательный палец Спигги, мозолистый, распухший от многолетнего физического труда, никак не лез в ручку чашки. Спигги глянул на собственные пятерни и, устыдившись, быстро сунул кулаки в карманы комбинезона. Самому себе он теперь казался неуклюжей скотиной. А у них тела словно бы светятся – будто стеклом облитые. Вроде как для защиты, что ли. У Спигги же тело было похоже на карту, испещренную условными обозначениями: травмы на работе, драки, заброшенность, бедность – все прожитое оставило свои видимые меты. Спигги сгреб чашечку правой рукой и в один глоток выпил скудное содержимое. «Да тут комару нос обмакнуть не хватит», – проворчал он, ставя чашечку на блюдце.

Принц Чарлз с трудом пробился сквозь небольшую толпу, собравшуюся у ворот бунгало королевы-матери. Поодаль, ссутулившись, дрожал на ледяном ветру бритоголовый паренек. Он подошел к Чарлзу:

– Видак нужен?

– Вообще-то да, – сказал Чарлз. – Моей жене нужен. Мы свой забыли, не подумали во… гм… но… они ведь жутко, гм… ну… дорогие?

– Еще бы, ясное дело, дорогие, но я могу достать за пятьдесят монет.

– За пятьдесят монет?

– Ага, один мой кореш их толкает.

– Филантроп, наверное?

Уоррен Дикон непонимающе уставился на Чарлза.

– Просто кореш.

– А они, гм… то есть… эти видеомагнитофоны, они… гм… работают?

– Само собой. Они же из хороших домов, – возмутился Уоррен.

Что-то тут Чарлза смущало. Откуда этот юнец с крысиной физиономией знает, что у них нет видео? И он спросил Уоррена.

– Да я шел вчера мимо вашего дома. Глянул в окошко. Красный огонек не светится. Занавески надо задергивать. У вас ведь там товарец клевый – хоть те же подсвечники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.